

*Языки
Народов
Мира*

И. Ш. Шифман

**ФИНИКИЙСКИЙ
ЯЗЫК**

URSS

И. Ш. Шифман

ФИНИКИЙСКИЙ ЯЗЫК

Издание третье

URSS
МОСКВА

ББК 81.2Фнк

Шифман Илья Шолеймович

Финикийский язык. Изд. 3-е. — М.: Едиториал УРСС, 2010. — 64 с.
(Языки народов мира.)

Краткий очерк финикийского языка содержит описание древнего, ныне мертвого языка, принадлежащего к ханаанской группе северо-западных семитских языков. Основным источником, позволяющим изучать этот язык, являются надписи финикийских общин, наиболее древние из которых датируются второй половиной II тысячелетия до н. э. В книге приводятся образцы финикийских текстов, словарь к ним и библиография.

Для филологов, историков-востоковедов, преподавателей и студентов филологических и исторических факультетов вузов.

Издательство «Едиториал УРСС».
117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 9.
Формат 60×84/16. Печ. л. 4. Зак. № 3127.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».
117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 11А, стр. 11.

ISBN 978–5–354–01262–6

© И. Ш. Шифман, 1963, 2009

© Едиториал УРСС,
оформление, 2003, 2009

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА	
	E-mail: URSS@URSS.ru
	Каталог изданий в Интернете: http://URSS.ru
	Тел./факс: 7 (499) 135–42–16
	Тел./факс: 7 (499) 135–42–46
URSS	

8319 ID 109697

9 785354 012626

ВВЕДЕНИЕ

Финикийский язык принадлежал к ханаанской группе северо-западных семитских языков. Термин «ханаанские» языки в значительной степени условен. Слово *kēna'an*, точнее *'ārāš kēna'an* 'страна Ханаан', буквально означает «страна пурпура» (ср. аккад. *kinahhu* 'пурпур'). Первоначально это название употреблялось только для обозначения Финикии — страны, славившейся своими пурпурными тканями. Однако постепенно слово «хананей» приобрело и более широкое значение: в древнееврейской литературе так называлось древнейшее население Сирии и Палестины в противоположность более поздним пришельцам — израильтянам. Во всяком случае в Библии для обозначения собственно финикиян обычно употреблялся термин *šidōnī* 'сидонец', возникший, очевидно, в период экономического и политического преобладания Сидона.

Почти все ханаанские языки мертвы. Единственным исключением является иврит — древнееврейский язык, искусственно возрожденный в настоящее время как государственный язык Израиля. О существовании этих языков можно судить лишь по дошедшим до нас текстам. Памятниками засвидетельствованы далеко не все языки этой группы. Так, можно предполагать о существовании аммонитского, эдомитского и некоторых других языков. Однако какими-либо памятниками письменности или иными свидетельствами на этот счет мы не располагаем.

В настоящее время известны следующие ханаанские языки.

1. Угаритский язык — язык литературных памятников и деловых документов середины II тысячелетия до н. э., найденных на территории города-государства Угарит (современная Рас-Шамра в Северной Сирии). Угаритский язык изучен еще далеко не достаточно, в частности до настоящего времени не решен вопрос о его классификационной принадлежности. Наиболее распространена точка зрения, согласно которой угаритский язык принадлежит к ханаанской группе. Это доказывается близостью его лексики, фонетики, морфологии и синтаксиса

к лексике, фонетике, морфологии и синтаксису еврейского¹ и финикийского языков. Показательно, что сколько-нибудь обоснованные чтения и толкования памятников угаритской письменности оказываются возможными главным образом на основе еврейских или финикийских параллелей.

2. Язык синайских почитительных надписей, датируемых первой половиной II тысячелетия до н. э. Судя по области, в которой он, по-видимому, был распространен, можно считать вероятным, что эти надписи были выполнены на языке древнейших обитателей Синайского полуострова.

3. Язык ханаанских глосс Телль-эль-Амарнской переписки (середина II тысячелетия до н. э.), который нам известен по отдельным словам в дипломатической переписке палестинских и сирийских царьков с египетскими фараонами. Эти письма были составлены на аккадском языке — дипломатическом языке того времени. Однако в целом ряде случаев писцы рядом с аккадским словом писали его перевод на свой родной язык. К сожалению, какие-либо связные тексты на этом языке до нас не дошли.

4. Восточноханаанские, или аморейские, диалекты племен, населявших в первой половине II тысячелетия до н. э. Сирийскую пустыню. Эти диалекты известны только по именам собственным аморейского происхождения царей Мари, Вавилона и некоторых других центров древней Месопотамии. Эти имена, как и вообще семитские собственные имена, представляли собой лексикализованные словосочетания или целые предложения. Существует предположение, что можно выделить три восточноханаанских диалекта, однако скудость материала не позволяет решить этот вопрос.

5. Моавитский язык, который был распространен на юго-восточном побережье Мертвого моря. До настоящего времени хорошо изучен только один памятник из Моава — знаменитая победная стела, воздвигнутая моавитским царем Мешей в IX в. до н. э. Язык этого памятника очень близок к еврейскому языку, точнее, к североизраильскому его диалекту. Однако существующие предположения о том, что надпись Меши написана не на моавитском, а на древнееврейском языке, лишены, с нашей точки зрения, основания.

6. Еврейский язык — наиболее известный из ханаанских языков, бывший живым разговорным языком на территории Палестины еще в первые века нашей эры. Он представлен следующими письменными памятниками:

¹ Под еврейским языком здесь и далее подразумевается так называемый древнееврейский язык.

1) надписями на черепках, древнейшая из которых — Гезерский сельскохозяйственный календарь (X в. до н. э.). К этой же группе памятников относятся надписи из Гибсона, письмо из Мецад Хашавайяху (VII в. до н. э.) и Лахишский архив (около 600 г. до н. э.);

2) Силоамской строительной надписью (около 700 г. до н. э.);

3) Библией — собранием мифов, преданий, правовых кодексов, исторических хроник, народных песен, а также прозаических и поэтических художественных, публицистических и религиозно-этических произведений. Древнейший библейский текст — песнь Деборы — датируется XIII—XII вв., а наиболее поздние тексты — II—I вв. Параллельное исследование еврейского канонического текста Библии, ее перевода на греческий язык и библейских фрагментов, найденных среди рукописей Хирбет-Кумрана, позволило установить, что существовало по крайней мере три текстовых варианта Библии, восходящих ко второй половине I тысячелетия до н. э. Памятники еврейского языка обнаружены также среди рукописей, найденных в Хирбет-Кумране и в прилегающих местностях. Отметим, что здесь обнаружен еврейский палимпсест², древнейший текст которого датируется VIII в. до н. э. По-видимому, в первой половине I тысячелетия н. э. еврейский язык перестал употребляться как разговорный, продолжая, однако, оставаться языком литературы преимущественно религиозного содержания. В настоящее время в государстве Израиль проводится работа по возрождению древнееврейского языка как литературного и разговорного языка населения этого государства.

7. Финикийский язык, которому посвящена настоящая работа. Основным источником, позволяющим изучать этот язык, являются надписи многочисленных финикийских общин, рассеянных по всему Средиземноморскому бассейну (современные Ливан и Северная Сирия, Южный Кипр, Западная Сицилия, Южная Сардиния, Южная Испания, Северная Африка, см. рис. 1). Наиболее древние из этих надписей датируются второй половиной II тысячелетия до н. э. Самые поздние из дошедших до нас финикийских текстов могут быть отнесены в собственно Финикии ко II в. н. э., а в Западном Средиземноморье — к III—IV вв. Финикийским языком пользовались и некоторые малоазиатские владетели для составления своих исторических надписей.

² Палимпсест — древняя рукопись, писанная по пергаменту по смытому или соскобленному тексту.

Финикийские надписи по своему содержанию могут быть условно разделены на следующие группы: а) строительные надписи, б) надгробные надписи, в) посвятельные надписи; г) остраконы — надписи на черепках, д) храмовые тарифы жертвоприношений, е) общинные постановления и ж) исторические надписи.

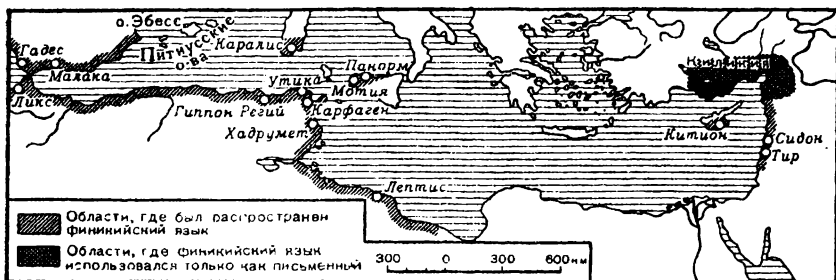

Рис. 1. Территория распространения финикийского языка

Все эти тексты выполнены линейным финикийским письмом, в котором практически отсутствовали обозначения гласных звуков. Поэтому особое место среди памятников финикийского языка занимают огласованные тексты, записанные греческим или латинским алфавитом. Это прежде всего известная пунийская посвятельная надпись из эль-Хофра, выполненная греческими буквами, а также монолог и реплики карфагенян — действующих лиц комедии Плавта «Пуниец». Эти тексты, воссоздающие звучание живой пунийской речи, как она воспринималась в иноязычной среде, позволяют во многих случаях установить грамматические формы, собственные финикийскому языку, во всяком случае его пунийскому диалекту. Однако, используя их, приходится иметь в виду, что мы имеем дело в данном случае с весьма несовершенными попытками транскрипции живой пунийской речи, в которой далеко не все особенности живого произношения находили свое выражение.

Финикийский язык в Передней Азии был разговорным языком примерно до II в. н. э. Как показывает недавно открытая надпись Азитавадда, в некоторых районах Малой Азии в начале I тысячелетия до н. э. финикийский язык был вторым письменным языком, а также, возможно, и вторым разговорным. В Западном Средиземноморье финикийский язык, судя по свидетельству раннехристианского писателя блаженного Августи-

на, употреблялся гораздо дольше, чем у себя на родине (вероятно, до VIII в. н. э.), и окончательно был вытеснен только арабским языком после арабского завоевания Северной Африки.

В процессе своего развития финикийский язык прошел следующие этапы: период древнефиникийского языка (до конца IX в. до н. э.), период среднефиникийского языка (VIII — VI вв.) и период повофиникийского языка (V в. до н. э. — II в. н. э.). Исследование отдельных надписей и групп надписей, проведенное за последние годы, позволило выделить в финикийском языке следующие территориальные диалекты: библский (на котором говорили в Библе, а также, вероятно, в Тире и Сидоне), сам'альский, испытавший в области лексики и морфологии значительное влияние арамейского языка и распространенный в Северной Сирии, а также кипрский. В Северной Африке был распространен пунийский диалект финикийского языка, восходящий к древнебиблскому диалекту. В развитии пунийского диалекта могут быть выделены два периода: старопунийский (IX — II вв.) и новопунийский (II в. до н. э. — VIII в. н. э.).

В Европе изучение финикийского языка по данным финикийских глосс, сохранившихся в произведениях латинских и греческих авторов, а также по легендам на финикийских монетах, началось еще в XVII в. Впервые значительный и связный текст на финикийском языке — греко-финикийская билингва с острова Мальта³ — был опубликован в 1735 г. командором Мальтийского ордена Гюйо де Марном. Более или менее правильное чтение этого памятника было предложено, однако, только в 1758 г. аббатом Бартелеми. С этого времени начинается развитие финикийской эпиграфики, чему способствовало непрерывное увеличение числа памятников, открываемых в различных районах Средиземноморья. В 1837 г. В. Гезениус опубликовал первое собрание финикийских текстов, которые до того времени были рассеяны в различных изданиях⁴. К этому изданию были приложены его заметки по вопросам финикийской грамматики.

Из открытий последующего времени должны быть отмечены знаменитый марсельский тариф жертвоприношений (найден в 1845 г.), надпись на саркофаге сидонского царя Эшмуназара (1855 г.) и надпись сидонского царя Иехавмилка (1869 г.). В 1869 г. П. Шредер на основе известного к тому времени эпиграфического материала и тщательного исследования пунийских текстов из комедии Плавта «Пуниец» издал первый

³ «Corpus Inscriptionum Semiticarum», Parisii, 1871, vol. I, № 122.

⁴ W. Gesenius, *Scripturae Linguaeque Phoeniciae Monumenta*, Lipsiae, 1837.

рамматический очерк финикийского языка⁵. Несколькими годами ранее М. А. Леви издал финикийский словарь⁶.

Новый этап в развитии финикиеведения начался после того, как по предложению Э. Ренана французская Академия Надписей начала публикацию многотомного «Свода семитских надписей». Первая часть этого монументального издания была посвящена финикийским надписям⁷. Параллельно с этим изданием в 1900 г. Академия Надписей начала издание «Каталога семитских надписей», в котором публиковались все надписи, не вошедшие в «Свод», а также реферировались все семитологические исследования⁸. Значительную роль в изучении финикийских текстов сыграли труды М. Лидзбарского⁹, Дж. А. Кука¹⁰ и Ш. Клермон-Ганно¹¹, которые подготовили создание в дальнейшем научной грамматики финикийского языка.

Значительную роль в развитии финикиеведения сыграло открытие надписей Ахирама Библского (1923 г.), Азитавадда (1947 г.), фрагмента надписи Иехавмилка, а также греко-финикийской надписи из эль-Хофра (опубликована в 1955 г.¹²).

В середине 30-х годов нашего века американский семитолог З. Гаррис¹³ опубликовал научную грамматику финикийского языка. В 1951 г. капитальный труд по финикийскому языку выпустил в свет И. Фридрих — один из крупнейших современных знатоков древневосточных языков¹⁴.

Почетное место в мировом финикиеведении занимают труды наших отечественных ученых, прежде всего Б. А. Тураева¹⁵ и И. Н. Винникова¹⁶.

⁵ P. Schröder, *Die phönizische Sprache*, Halle, 1869.

⁶ M. A. Levy, *Phönizisches Glossar*, Breslau, 1863.

⁷ «Corpus Inscriptionum Semiticarum», pt I, vol. I—III, Parisii, 1881—1947.

⁸ «Répertoire d'épigraphie sémitique», vol. I et suiv., 1900 et suiv.

⁹ M. Lidzbarski, *Handbuch der nordsemitischen Epigraphik*, Bd I—II, Weimar, 1898; M. Lidzbarski, *Altsemitische Texte*, Gießen, 1907; M. Lidzbarski, *Ephemeris für semitische Epigraphik*, Bd I—III, Gießen, 1902—1912.

¹⁰ G. A. Cooke, *A text-book of North-Semitic inscriptions*, Oxford, 1903.

¹¹ Ch. Clermont-Ganneau, *Recueil d'archéologie orientale*, vol. I—VIII, Paris, 1888—1907.

¹² A. Berthier, R. Charlier, *Le sanctuaire punique d'El-Hofra*, Paris, 1955, pp. 167—168.

¹³ Z. S. Harris, *A grammar of the Phoenician language*, Philadelphia, 1936.

¹⁴ J. Friedrich, *Phönizisch-Punische Grammatik*, Roma, 1951.

¹⁵ Б. А. Тураев, *Остатки финикийской литературы*, СПб., 1903.

¹⁶ И. Н. Винников, *Новые финикийские надписи из Киликии*, — «Вестник древней истории», 1950, № 3; И. Н. Винников, *Вновь найденные финикийские надписи*, — «Эпиграфика Востока», V [1951]; И. Н. Винников, *Надпись Ахирама Библского в новом освещении*, — «Вестник древней истории», 1952, № 4.

ФИНИКИЙСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ И ЛИТЕРАТУРА

Как показывает Тель-эль-Амарнский, а также обширные угаритские архивы, в своей деловой и дипломатической переписке во II тысячелетии до н. э. ханаанские властители широко пользовались аккадским языком и соответственно клинописной аккадской системой письма. Однако этот способ письма представлял значительные трудности прежде всего по той причине, что приходилось писать на неродном языке. Писцы часто не понимали отдельных слов или же не были уверены в том, что лицо, которое будет читать документ, поймет его правильно. Поэтому в письмах из эль-Амарны довольно часто можно встретить ханаанские глоссы, о которых уже говорилось выше и которые представляли собой перевод соответствующего аккадского слова или оборота на родной для писца ханаанский язык. Уже это обстоятельство показывает, насколько настоятельной была потребность в создании письменности на родном языке. К тому же сама по себе клинопись, насчитывавшая несколько сот знаков, каждый из которых имел по несколько идеографических и слоговых значений, была достаточно сложной системой письма, не доступной широким массам и требовавшей создания обширного штата специалистов-писцов. Потребность в создании более простой графической системы, появившаяся в результате значительного развития торговли и ремесла в приморских финикийских торговых центрах, а также в Угарите, привела в конечном итоге к созданию алфавита — одного из величайших изобретений человечества.

Угаритская и классическая финикийская системы письма представляли собой первоначально упрощенный вариант слогового письма, в котором каждая графема служила для обозначения всех возможных сочетаний данного согласного звука с гласными. Так, например, финикийский линейный знак *ʾ* мог служить для обозначения сочетаний: *ba, bi, bu, ab, ib, ub, aba, iba, uba, abba, ibba, abbu* и т. п. Этот принцип письма мог быть заимствован изобретателями названных графических систем из несомненно хорошо им известной аккадской клинописи, где подобная многозначность графем являлась правилом. Введение такой системы позволило резко сократить количество графем. Но отсутствие специальных обозначений каждого слога привело к тому, что сравнительно рано, по-видимому, уже к концу II тысячелетия до н. э., финикийская письменность стала восприниматься ее носителями как консонантный алфавит: Это подтверждается, на наш взгляд, тем, что при заимство-

вагин ханаанского письма греками последние были вынуждены создать специальные знаки для гласных. В финикийской линейной системе письма в середине I тысячелетия до н. э. также была выработана система обозначений некоторых, как правило,

Таблица 1

Угаритское клинописное письмо

1		'a	17		n
2		b	18		t
3		g	19		s
4		h	20		e
5		d	21		p
6		h	22		š
7		w	23		k
8		z	24		z
9		h	25		t
10		t	26		g d
11		i	27		
12		k	28		t
13		š	29		i
14		e	30		'u
15		m	31		s(?), š
16		d			

долгих гласных при помощи знаков, обозначающих согласный звук (например, *i* через *k*, *a* через ' или *h* и т. д.). Однако эта система применялась весьма непоследовательно.

В Угарите, где влияние аккадской культуры было особенно сильно, письменность была создана на клинописной основе. В отличие от линейного письма она насчитывала тридцать знаков и более или менее точно отражала основные особенности угаритского консонантизма. Для угаритского письма характерно то, что в нем имеется три знака, обозначающих сочетания ' с гласными: 'a, 'i и 'u. Расположение двух последних знаков в конце таблицы угаритских графем (табл. 1) показывает, что они были изобретены через некоторое время после создания этой графики, тогда как первоначально существовал только один знак для обозначения звука', который в дальнейшем

получил значение 'a. Причина введения двух дополнительных знаков не ясна. Вероятно, она связана с особенностями произношения угаритского '. Порядок знаков угаритского письма известен по табличке, содержащей их перечень, которая была

опубликована в 1950 г.¹⁷. Он в основном совпадает с порядком знаков финикийского линейного письма.

Проблема происхождения линейного финикийского письма пока не может считаться окончательно разрешенной. В частности, не ясен вопрос о том месте, которое занимала в этом процессе так называемая синайская письменность и близкая к ней по формам некоторых знаков палестинская письменность середины и второй половины II тысячелетия до н. э. Знаки синайской и собственно финикийской письменности, служившие для обозначения одних и тех же звуков, сильно отличались друг от друга. Это не дает возможности считать синайское письмо непосредственным предком финикийской графики, несмотря на всю соблазнительность такого рода предположений, широко распространенных в научной литературе. Что же касается палестинской письменности, то она также резко отличалась по своей форме от финикийской, что исключает предположение о возникновении финикийской графики из палестинской.

Синайская, палестинская и финикийская графики были, судя по всем данным, в целом независимыми одна от другой системами письма, хотя некоторое влияние на палестинскую письменность синайское письмо, несомненно, оказывало. Также можно признать весьма вероятным некоторое воздействие синайского и палестинского письма на финикийское.

Наиболее древней из известных финикийских систем письма является так называемая псевдоиероглифическая библская система. Дошедшие до нас тексты выполнены на стелах и фрагментах стел, на бронзовых табличках, а также на сакральных «лопаточках», исписанных с одной или с обеих сторон. Всего известно около ста знаков, которые представляют собой изображения животных, растений, неба, воды, домов, орудий, предметов культа и геометрических фигур. Прототипы многих знаков не установлены. Судя по количеству знаков, представляется несомненным, что «псевдоиероглифика» была слоговым письмом. Однако до настоящего времени библские «псевдоиероглифические» тексты удовлетворительным образом не прочитаны. «Псевдоиероглифическое» письмо, возникшее в конце III тысячелетия до н. э., послужило, вероятно, основой для создания в середине II тысячелетия до н. э. того финикийского линейного письма, которое превратилось впоследствии в консонантный алфавит. Простое сравнение показывает, что все без исключения знаки этой графической системы имеют каждый свой «псевдоиероглифический» прототип. Не исключено,

¹⁷ Ch. Virolleaud, *Syria*, 1950.

однако, что при заимствовании «псевдоиероглифические» знаки приобретали новые значения, не соответствующие их первоначальным значениям. Во всяком случае нельзя определить их значение в «псевдоиероглифике» исходя только из их гипотетических соответствий в классической финикийской графике.

Первоначально в течение длительного времени различные системы письма не вытесняли друг друга, т. е. писали и на аккадском языке клинописью, и «псевдоиероглифкой», и линейным письмом. К концу II тысячелетия до н. э. более простое и доступное линейное письмо победило. «Псевдоиероглифика» перестала быть употребительной.

Древнейшие известные нам линейные финикийские надписи — Абдо, царя Ахирама и Шафатваала — датируются в настоящее время XIII—XII вв.

Классическая финикийская письменность с конца II тысячелетия до н. э. и в первой половине I тысячелетия до н. э. была широко распространена в Сирии, Палестине и в Заиорданье — в Моаве и, как показала недавняя находка аммонитской печати из Аммана, на территории аммонитян. Все ранее существовавшие здесь системы письма были вытеснены ею. Это свидетельствует о том, что финикийцы оказывали на окружающих их народности определенное культурное влияние. Среди найденных в Хирбет-Кумране фрагментов Библии имеется отрывок из книги Левит, написанный линейным письмом и датируемый приблизительно IV—III вв. до н. э. Характерно, что в более поздних кумранских текстах линейное письмо использовалось для написания имени бога Йахве, тогда как остальной текст писался уже квадратным арамейским письмом. Своеобразной модификацией линейной финикийской графики является письменность самаритянских¹⁸ священных книг, восходящая к иудейско-израильской письменности середины I тыс. до н. э.

В Северной Африке со II в. до н. э. финикийское письмо приобрело характер курсива (неопулийское письмо) и исчезло, видимо, в III—IV вв. (таб. 2).

Линейное письмо финикийцы насчитывало 22 знака. Писали финикийцы в направлении справа налево. В качестве материала для письма использовались папирус, камень, а также обломки керамических изделий — остраконы.

К сожалению, финикийская литература погибла почти целиком; то, что известно, представляет собой лишь незначительные остатки, к тому же сохранившиеся в передаче чужеземных авторов. Но даже и это свидетельствует о значительном раз-

¹⁸ Самаритяне — палестинская религиозная секта, порвавшая с официальной иудейской религией в середине I тысячелетия до н. э.

Таблица 2

Финикийское линейное письмо

1	2		3	4	5	6	7	8	9
	2a	2б							
p	k	k	k	z	z	z	z	z	z
b	g	g	g	g	g	g	g	g	g
d	h	h	h	h	h	h	h	h	h
w	z	z	z	z	z	z	z	z	z
h	t	t	t	t	t	t	t	t	t
z	i	i	i	i	i	i	i	i	i
t	k	k	k	k	k	k	k	k	k
i	e	e	e	e	e	e	e	e	e
k	e	e	e	e	e	e	e	e	e
e	m	m	m	m	m	m	m	m	m
m	n	n	n	n	n	n	n	n	n
n	s	s	s	s	s	s	s	s	s
s	e	e	e	e	e	e	e	e	e
e	p	p	p	p	p	p	p	p	p
p	s	s	s	s	s	s	s	s	s
s	k	k	k	k	k	k	k	k	k
k	z	z	z	z	z	z	z	z	z
z	s	s	s	s	s	s	s	s	s
s	t	t	t	t	t	t	t	t	t
t									

1—транслитерация; 2—финикийские надписи XIII—XII в. до н. э.; 2а—надписи Абдо и Шафатваала; 2б—надпись Ахирарама Библского; 3—надпись моавитского царя Мели (Моав, IX в. до н. э.); 4—классическое финикийское письмо I тыс. до н. э.; 5—еврейское письмо; 6—лунийское письмо; 7—неолунийское письмо; 8—возможные «исевдонерог-лифрические» соответствия; 9—предполагаемые соответствия прогоснейской письменности.

итии финикийской литературы как в Передней Азии, так и в Северной Африке.

Переднеазиатская финикийская литература представлена сохранившимися в передаче поздних греческих авторов отрывками из произведений финикийских писателей эллинистического времени, писавших по-гречески и испытавших значительное влияние греческой литературы. Однако свой материал они черпали из произведений финикийских писателей более раннего времени, пользовавшихся, несомненно, родным языком. В частности, финикийско-эллинистические авторы Менаандр и Дий, отрывки из исторических произведений которых мы встречаем у историка Иосифа Флавия, использовали для своих целей тирские городские хроники. Финикийский автор Филон Библиский в своем труде о космогонии финикийян ссылается на древнего финикийского писателя Санхониатона. Как бы ни был решен вопрос о том, существовал ли этот писатель в действительности, самая возможность подобной ссылки свидетельствует о наличии в доэллинистической финикийской литературе произведений, посвященных изложению основ религиозного вероучения.

По сохранившимся фрагментам из сочинения Филона Библиского можно следующим образом охарактеризовать творчество этого писателя: он находился под сильным влиянием эвгемеризма¹⁹ и стремился к отождествлению финикийских и греческих богов. Оба эти момента характерны для эллинистического времени. Хотя более древние памятники финикийской литературы этого рода нам не известны (вероятно, финикийская мифология в своих наиболее существенных чертах совпала с угаритской), можно утверждать, что ученая концепция Филона имеет мало общего с древнейшими финикийскими мифами. Как показал Б. А. Тураев²⁰, Филоном Библиским были использованы космогонии, созданные более древними библискими и тирскими авторами, возможно, эллинистического времени. Известен и сидонский вариант космогонии, сохранившийся у позднегреческого писателя Дамаския, который также цитировал и труды финикийского философа Моха. Последний считался в древности одним из основоположников атомистического учения.

Таким образом, можно утверждать, что у финикийян существовала довольно обширная и разнообразная по своим тенденциям философская литература.

Имеются указания и на существование у финикийцев исто-

¹⁹ *Эвгемеризм* — учение, основанное Евгемером, философом киренской школы (конец IV в. до н. э.). Евгемер считал, что боги — это люди, после смерти возведенные в ранг богов за свои подвиги и заслуги.

²⁰ Б. А. Тураев, *Остатки финикийской литературы*.

рической литературы. Когда в первой половине V в. до н. э. выдающийся греческий историк Геродот, совершая путешествие по странам Ближнего Востока, прибыл в Тир, жрецы местного храма Мелькарта рассказали ему, что город и храм были построены за 2300 лет до его посещения. Сама по себе столь «точная» датировка вызывает некоторые сомнения, но тем не менее она определенно свидетельствует, что информаторы Геродота пользовались местными храмовыми хрониками. Эти хроники, как уже упоминалось выше, лежат в основе и исторических произведений Менандра и Дия. Вероятно, труды Менандра и Дия имели непосредственной целью, подобно аналогичным произведениям древнеегипетского историка Манефона и вавилонского историка и астронома Бероса, ознакомление греков с историческим прошлым фликийян. Каков был характер сочинений этих авторов, неясно. В одном из отрывков Иосифа Флавия утверждается, что Менандр на основании изучения местных источников «описал деяния», т. е. создал самостоятельное произведение, тогда как в другом месте мы читаем: «Менандр, переведший с финикийского языка на греческий Тирские древности». По-видимому, последнее указание наиболее точно отражает истинный характер произведения Менандра. Быть может, «Тирские древности», о которых говорит Иосиф Флавий, не идентичны тирским хроникам; тогда не исключено, что труд Менандра представлял собой перевод сочинения неизвестного нам доэллинистического тирского историка. Большинство сохранившихся фрагментов представляет собой, как правило, перечисление царей и правителей. Некоторые же фрагменты свидетельствуют, что в книгах обоих авторов была сделана попытка изложить отдельные события истории Тира.

Особый интерес представляет свидетельство средневекового грамматиста Клементя Шотландского, работавшего при дворе Карла Великого (VIII в. н. э.), со ссылкой на позднего латинского грамматика Исидора из Севильи (конец V — начало VI в.) о существовании у финикийцев тщательно разработанной грамматической теории, привлекавшей к себе внимание античных ученых некоторой необычностью своих положений. Клемент Шотландский сообщает: «Финикийяне говорили, что существуют 12 частей [речи]; они считали, что артикль, который [по учению греков является восьмой частью, — это девятая часть; они считали, что безличное наклонение (*impersonalem modum*) — это десятая часть, так как она не имеет точного лица и точного числа, если не придашь местоимения, как, например, *legitur a me a te a nobis*; а инфинитив считали одиннадцатой частью, потому что он имеет свойства имени, т. е. номинатива, аккузатива и аблатива; а

наклонение действия (*gerendi modum*) они считали двенадцатой частью, потому что глаголы действия (*verba gerendi*) имеют свойства и форму имен, как, например, *amandi amando amandum amatum amatu* и, таким образом, — говорили финикийцы, — 12»²¹.

Под безличным наклонением средневековые латинские грамматисты понимали обычно формы страдательного залога. Таким образом, представлялось бы очень заманчивым отождествить его с пассивными формами финикийского глагола. Однако дальнейшие разъяснения в тексте показывают, что речь шла о глагольных формах, которые сочетались бы с местоимением в конструкции, близкой к редкой еврейской конструкции с предлогом *min* 'от' (*mālē'ā hā'rāš hāmās mippēnehām* 'Была ими наполнена земля неправдой', Быт., 6, 13) или *bē* (*wa'ādōni šuwwā bayhwh* 'И господину моему было приказано Йахве', Числ., 36, 2). Подобные сочетания, однако, в дошедших до нас финикийских текстах пока не обнаружены. Весьма примечательно указание об именных свойствах инфинитива, которое отражает характерные черты этого последнего, наблюдаемые в финикийском языке. Под аблативом финикийские грамматисты понимали, очевидно, такие сочетания имени с предлогом, которые придавали имени значение косвенного дополнения. Под «наклонением действия» средневековые грамматисты обычно подразумевали герундий и супин. Применительно к финикийскому языку речь шла, очевидно, об «адвербиальном» инфинитиве в сочетаниях типа *pth tpth* 'открыванием откроешь'.

Финикийская литература Северной Африки — карфагенская литература — известна в большей степени, хотя также по иноязычным упоминаниям, фрагментам и переложениям. Эта литература может быть разделена на исторические, естественнонаучные и философские сочинения.

Конкретные произведения карфагенских историков нам не известны, за исключением, пожалуй, упомянутой древнегреческим писателем Павсанием (II в.) книги карфагенянина Прокла, в которой на греческом языке излагалась биография эфирского царя Пирра. Некоторые фрагменты в книге римского писателя Гая Саллюстия Криспа «Югуртинская война», а также в книге римского историка Помпея Трога «Филипповы истории» (в переложении Юстина) позволяют до какой-то степени определить некоторые черты карфагенской исторической литературы. Имеется восходящий непосредственно к пунийским авторам рассказ о древнейшей истории Африки — до появле-

²¹ J.-M. Solá-Solé, *Sur les parties du discours en phénicien*, — «Bibliotheca orientalia», XIV, [1957], № 2.

ния там финикийцев и создания первых финикийских колоний. Интересно также предание о подвиге братьев Филенов во время войны карфагенян с Киреной. Есть основания предполагать, что в карфагенской литературе существовали два варианта предания: согласно одному из вариантов, действующими лицами были братья Филены, а по другому варианту, подвиг был совершен одним персонажем, носившим то же имя. Существуют также два варианта предания об основании Карфагена, восходящие к сочинениям пунийских писателей. Таким образом, можно считать, что в Карфагене имели хождение и были хорошо знакомы греко-римским авторам книги по крайней мере нескольких историков, использовавших различные варианты старого предания.

К историческим произведениям были близки по своему содержанию и стилю, очевидно, и сочинения флотоводцев Ганнона и Гимилькона, в которых описывались их плавания вдоль атлантического побережья Африки и Европы. Сочинение Ганнона дошло до нас на греческом языке и в этом его виде носит явные следы позднейшей греческой литературной обработки по образцу эллинистических приключенческих романов. Не подлежит сомнению, что существовал и карфагенский оригинал, послуживший основой для создания дошедшей до нас версии. Для оригинала, насколько это возможно определить, характерны были точность и безыскусственная простота описаний, лаконичность и ясность изложения. О перипле²² Гимилькона мы осведомлены значительно хуже. Известно, однако, что на основании этого литературного памятника также было создано поздними писателями красочное описание плавания карфагенян по заросшим водорослями морским просторам. Это описание сохранилось у позднеримского географа Авиена в его «Описании морского побережья». Некоторые археологические материалы позволяют предполагать, что периплы Ганнона и Гимилькона возникли в конце VI в. до н. э.

Карфаген был крупным центром сельскохозяйственного производства, где значительную роль играли большие частновладельческие хозяйства. Огромный опыт этих латифундий был обобщен в трудах карфагенских писателей-агрономов, из которых наиболее значительным был Магон. Современники высоко ценили произведения Магона. По специальному приказанию римского сената вскоре после падения Карфагена книга была переведена на латинский язык. Известно также и о нескольких ее переложениях на греческий язык, выполненных в I в. до н. э. Сочинения Магона широко цитировались Плинием Старшим,

²² Периплы — путеводители для мореплавателей, употреблявшиеся с VI в. до н. э. по V в. н. э.

Колумеллой, Варроном и другими писателями, занимавшимися проблемами естественной истории и сельского хозяйства. В труде Магона содержались сведения по организации труда в крупнорабовладельческом поместье, а также материалы по зоологии, ботанике и медицине. Эта была своеобразная энциклопедия естественнонаучных знаний своего времени.

В Карфагене существовала и философская литература. Один из пунийских философов II в. до н. э. — Гасдрубал, принявший в Афинах имя Клитомаха сына Диогнета, сыграл значительную роль в философской жизни своего времени, в частности в философской жизни Афин, где он после смерти Карнеада в 127/126 г. до н. э. стал руководителем (схолархом) Академии. Есть все основания полагать, что в Афины Гасдрубал прибыл не как ученик, а как уже сложившийся мыслитель. Древнегреческий ученый Диоген Лаэртский (III в.) во всяком случае писал, что он занимался философией и у себя на родине. Перу Гасдрубала приписывалось в древности более четырехсот книг, из которых наиболее важными считались: «О воздержании», «О философских школах» и т. д. Видимо, в произведениях Гасдрубала излагались и комментировались воззрения Академии, содержалась полемика с другими философскими учениями.

Таковы те весьма немногочисленные сведения о финикийской литературе, которыми мы располагаем. Правда, нам не известны еще пока произведения финикийских авторов в подлинниках. Однако наше время — это время замечательных археологических открытий. Раскопки в Рас-Шамре открыли науке угаритский язык и угаритскую литературу. Открытия у берегов Мертвого моря предоставили в распоряжение ученых многочисленные, крайне интересные, до того времени неизвестные памятники древнееврейской письменности. Остается только выразить надежду, что раскопки в песках Сахары, в Сирии и в Ливане со временем откроют нам произведения финикийской литературы, что позволит поднять изучение финикийского языка на более высокую ступень.

ФОНЕТИКА

СОГЛАСНЫЕ

Судить о консонантном составе финикийского языка мы можем исходя только из финикийского алфавита, а также из передачи финикийских слов средствами греческой или латинской графики.

При передаче на греческий язык некоторых финикийских собственных имен, заимствованных греками в середине или во второй половине II тысячелетия до н. э., финикийская графема передавалась в одном случае через *T* (*Tóros*, ср. еврейско-финикийское *šōr*), а в других через *Σ* (*Σιδών*, ср. еврейско-финикийское *sidōn*). Отсюда следует, что знаком первоначально изображались два различных звука — эмфатический межзубный [t] и зазубный эмфатический [s]. По-видимому, уже в начале I тысячелетия до н. э. [t] полностью совпало с [s]. Отметим, однако, что в латинской письменной традиции известна передача финикийского *šōr* 'Тир' через *Sarra*, что воспроизводит, вероятно, соответствующую пунийскую форму.

Одной графемой обозначались в финикийской письменности глоточный звонкий [ʕ] и глубокозадненебный [g]. Например, название одного из городских кварталов Карфагена *mʕrh* (знак ' в данном случае передает графеме) в латинской передаче звучит как *Magara*, а в греческой — *Μέγαρα*. Звук [g] в угаритском письме обозначается специальным знаком. Как показывает передача в греческом переводе Библии некоторых собственных имен (евр. *'azzā*, но греч. *Γάζα*; евр. *'āmōrā*, но греч. *Γόμορρα*), звук [g] существовал в живой еврейской речи еще в конце I тысячелетия до н. э., как, впрочем, и в пунийском диалекте, на что указывает приведенный выше пример, а окончательно исчез из живой речи не позднее середины I тысячелетия до н. э.; в противном случае он, конечно, был бы отмечен в масоретской огласовке Библии специальным диакритическим знаком.

По аналогии с еврейской письменностью можно утверждать, что одним и тем же знаком обозначались зубной боковой глухой [s] и передненебный глухой [š]. Доказательством в пользу высказанной здесь точки зрения может служить то обстоятельство, что встречаются два варианта написания слова «десять» — *šr* и *'sr*, а также финикийские написания *ptlmīš* и *ptlmīs*, происходящие от греческого *Πτολεμαῖος*. Существует предположение, что в финикийском языке звуки *š* и *'s* совпали. Однако в свете сказанного вряд ли это можно считать справедливым.

Аналогия с еврейской графикой позволяет предполагать, что одним знаком обозначались глоточный глухой [h] и глубокозадненебный глухой [ħ]. Последний засвидетельствован и угаритским алфавитом.

Особый интерес представляет произношение зазубного звонкого [z], передаваемого знаком . Примечательно, что еврейский и финикийский *z* во многих случаях соответствует угаритскому *d* (ср. евр. *zākān* 'старик', но угарит. *dḫn*), которому

В свою очередь соответствует арабский *d* (ср. араб. *ḍakānu*¹⁾). В греческой и латинской передаче букве *ḍ* соответствует сочетание *sd* (*Hasdrubal* и Ἀσδρουβας из **'azrubā'al*). Эти соответствия и в особенности параллель с арабским *d* позволяют утверждать, что в ханаанских языках и, в частности, в финикийском продолжительное время существовал звонкий межзубный [d].

В финикийском языке насчитывалось 27 согласных фонем (табл. 3).

Таблица 3

Согласные звуки финикийского языка

По способу артикуляции		Смычные				Щелевые				Вибранты
		звонкие	глухие	эмфатические	сонанты	звонкие	глухие	эмфатические	сонанты	
По месту артикуляции	Губные									
		губно-губные	b	p		m				w
	Зубные									
	межзубные зубные боковые	d	t	ṭ		ḏ z	s š	t ṣ		
	Небные									
	переднеязычные среднеязычные заднеязычные глубокозаднеязычные	g	k		n	ḡ	ḥ		l ʕ	r
	Связочные		ʾ				h			
	Глоточные					ʕ	ħ			

Как и в ряде других семитских языков, в языках ханаанской группы наблюдается тенденция к частичному или даже полному исчезновению связочных и глоточных звуков. Так, в финикийском языке должно отметить отпадение начального [ʾ] в слове *ḥrm* (ср. в Библии *ḥirōm* из **ḥrm*—имя собственное), переход [ʾ] в [ḥ] в начале некоторых слов (ср., например, развитие глагольного префикса 1-го лица единственного числа несовершенного вида: **ū-* > *ū-*), а также переход начального

[h] в ['] и [i] в префиксах каузативных пород (ср. *hi- > *'i > *'i и *hu > *'u). В интервокальном положении [h] либо выпадало (как это имело место, например, в библском диалекте, где энклитическое местоимение 3-го лица единственного числа мужского рода *ahu перешло в *aʔ), либо переходило в ['] или [i] (в других финикийских диалектах то же местоимение, судя по его написаниям, вероятно, звучало *a'u и *a'ju). Эти явления могут быть отмечены уже на рубеже II и I тысячелетия до н. э.

В пунийском диалекте в конце I тысячелетия до н. э. связочные и глоточные звуки, очевидно, почти полностью исчезли. Соответствующие им знаки в ряде случаев либо вообще не пишутся (например, 'mšrt вместо 'm:šrt, ldn вместо l'dn 'господу'), либо используются для обозначения гласных (например, слово tḥ 'добро' произносилось *tūbā, где h передает гласный [ā]; b't произносилось bēt 'дом', где ' передает гласный [ē], и т. д.).

Только в начале слова во избежание гласного начала, по-видимому, звучал глухой связочный ['], вытеснивший в этом положении остальные связочные и глоточные звуки. Соответственно все графемы, обозначавшие эти звуки, в начале слова произносились как [']. В пользу сказанного свидетельствуют следующие написания: h вместо ' (hbn вместо ожидаемого 'bn 'камень'), ' вместо ' (bn вместо 'bn), ' вместо h ('mlkt вместо hmlkt) и т. п. Ср. также латинские и греческие написания Hannibal и Ἰαννίβαλς вместо hnb'l 'Ганнибал', а также Hasdrubal и Ἀσδρούβαλς вместо 'zrb'l 'Гасдрубал'.

Вероятно, начиная с X—VIII вв. в конце слова редуцировались полугласные сонанты [w] и [i], что приводило к образованию так называемых «недостаточных» корней. Процесс образования таких корней может быть проиллюстрирован историей слова «строить», которое в надписях из Библи второй половины II тысячелетия до н. э. засвидетельствовано в форме bni, тогда как в более поздних текстах оно уже пишется bn. Выпадение [i] наблюдается и в начале слова после проклитического предлога, например: bd²³ из *b'jd 'в руке'. В пользу сказанного свидетельствует также латинское написание bod, соответствующее пунийскому bōd в теофорных пунийских именах. Это написание было бы невозможным, если бы имело место стяжение [ai] в [ē]. История слова bōd может быть реконструирована следующим образом: *bajad > bād (ср. в эль-Амарн-ской переписке: ba-di-u 'в руке его') > bōd.

²³ Это слово представляет собой термин, которым в ряде пунийских посвячительных надписей обозначались лица, находившиеся, по-видимому, в состоянии полурабской зависимости.

Как показывает масоретская огласовка Библии, в еврейском языке некоторые смычные согласные, а именно: [b], [g], [d], [k], [p], [t] (звуки группы «бегадкефат»), в положении после гласной получали щелевое произношение: [b̥], [g̥], [d̥], [k̥], [p̥], [t̥]. Имело ли место аналогичное явление в финикийском языке, установить на современном уровне знания не представляется возможным, однако некоторые написания в уже упоминавшейся выше надписи из эль-Хофра и в комедии Плавта «Пуниец», а также в финикийско-пунийских глоссах весьма интересны и могут пролить некоторый свет на затронутый нами вопрос. Такие написания, как *anech* (соотв. **ʾānek* 'я'), *liful* (соотв. **lipʾul* 'чтобы сделать'), *rufe* (соотв. **rūpe* 'врач'), а также *Himilco* (соотв. **himilkō* — имя собственное), показывают, что в целом правила произнесения звуков группы «бегадкефат» в финикийском языке, вероятно, не отличались от соответствующих норм еврейского языка.

Этому не противоречит написание имени собственного *Otmilc* в ранних латинских текстах вместо ожидаемого *Othmilc* (соотв. **oimilk*), поскольку в раннем латинском написании щелевое произношение [t̥] могло и не быть отмечено в связи с тем, что еще в начале I в до н. э. греческие щелевые φ, θ и χ передавались в латинской графике через *p*, *t*, *c*. Очень интересны поздние латинские написания *molch* (*molc* 'человеческая жертва') и *ysthyai* (**iūstūʾal* 'я прошу себе'), где сочетания *ch* и *th* воспроизводят, очевидно, особенности позднего финикийского произношения, а также греческое написание *ʾαλφ*, которое соответствует финикийскому *ʾlp* 'бык'. Следовательно, возможно, что звуки [k], [p] и [t] в позднем финикийском языке иногда имели щелевое произношение и после согласных. Вполне достоверно засвидетельствовано щелевое произношение [k̥] (ср. *chon* = **kōn* 'быть'), [p̥] (ср. ФАНЕ = **panē* 'украшение', а также *feliioth* = **pēʾēliiōt* 'работа') и [t̥] (ср. *thuulech* = **tūhūlek* 'гостеприимец') в начале слова.

В финикийском языке могут быть отмечены следующие случаи регрессивной ассимиляции согласных звуков. Задненебный глухой смычный [k] ассимилировался в сложных именах собственных непосредственно следовавшим за ним глубоководнебным [k]. В связи с этим исходная форма **mlk krt* — имя верховного божества Тира — приобрела звучание *mlkrt*.

В некоторых пунийских надписях отсутствует буква *l* в таких положениях, когда оказывается возможным предполагать, что [l] ассимилировался последующим звуком. В частности, встречаются следующие написания собственных имен: *bʾhnʾ* вместо *bʾlhnʾ*, *bʾmlk* вместо *bʾlmlk*, *bʾšmm* вместо *bʾlšmm*, *hmk* вместо *hmlk*, *ʾbdmkr̥t* вместо *ʾbdmlkrt*. По-видимому, в

финикийском языке [i] был более склонен к ассимиляции, нежели в угаритском или еврейском языках, где отмечается уподобление [i] только последующему глубокозадненебному [k] в несовершенном виде глагола *lkh* 'брат'. В еврейском языке мы встречаем в этом случае форму *ikkah* вместо **ilkah*, чему соответствует угаритское *ikh*.

Передненебный сонант [n], как правило, ассимилируется каждым последующим согласным. Это явление имеет место при спряжении глаголов с первым коренным [n] в несовершенном виде, например *itn* вместо ожидаемого **intn* 'давать'. Следует, однако, иметь в виду, что наряду с глаголом *ntn* в финикийском языке в том же значении существовал глагол *itn*. Кроме этого, ассимиляция *n* последующим согласным наблюдается:

а) при спряжении глаголов всех типов в несовершенном виде породы *pir'al*, например: *ikhil* вместо ожидаемого **inkil*;

б) при образовании некоторых типов имен от корней с начальным [n], например: *mšbt* 'статуя' из **mšbt*, корень *nšb*;

в) при образовании имен собственных из словосочетаний или предложений, если [n] непосредственно предшествовал согласному звуку, например: *itb'l* вместо ожидаемого *itnb'l*, **šmhlš* вместо **šmnhlš*, **šm'ms* вместо **šmn'ms* (в пунийских надписях встречаются оба варианта написания этих имен);

г) в том случае, если [n], будучи вторым или третьим коренным, закрывал слог, непосредственно предшествуя согласному звуку [t], например: *št* из **šnt* 'год', *kt* из **knt* 'я был'. В еврейском языке слово *šnt* развивалось несколько иначе, чем в финикийском языке. Здесь в сопряженном состоянии оно получало форму *šēnat*.

Предшествуя губно-губному смычному [b], звук [n] под его влиянием мог переходить в губно-губной сонант [m], испытывая, таким образом, лишь частичную ассимиляцию: такова сохранившаяся в латинских надписях форма *Mutumbal* хорошо известного имени *mtnb'l*.

Дошедшие до нас финикийские тексты, выполненные линейным письмом, почти не содержат данных, позволяющих судить о системе гласных. Передача отдельных финикийских слов и выражений греческим (надпись из эль-Хофра) или латинским (комедия Плавта «Пуниец») письмом отнюдь не способствовала уточнению, например, количественной характеристики некоторых гласных. Тем не менее в нашем распоряжении имеется некоторый материал, позволяющий сделать ряд предварительных выводов по затронутому здесь вопросу.

Наличие в угаритском алфавите специальных знаков 'a, 'i и 'u и отсутствие подобных же знаков для обозначения сочетаний ['] с другими гласными показывает, что первоначально в ханаанских языках имелись следующие гласные звуки: долгие [ā], [ī] и [ū], а также краткие [a], [i], [u]. Таким образом, исходная система гласных ханаанских языков не отличается от системы гласных классического арабского языка. В дальнейшем ханаанская система гласных значительно усложнилась.

Масоретская огласовка Библии свидетельствует, что в начале I тысячелетия н. э. в еврейском языке существовали следующие гласные: долгие [ī], [ē], [ō], [ū], [ā], краткие [i], [e], [o], [u], [a], [ā] и беглые [ē], [ō], [ā], [ā̄]. Было бы неосторожно автоматически переносить эту систему и на финикийский язык. Тем не менее греческие написания в надписи из эль-Хофра, латинские у Плавта, а также собственно финикийские написания с обозначением долгих гласных позволяют считать, что по крайней мере пунийскому диалекту первых веков до нашей эры и первых веков нашей эры были свойственны следующие гласные: долгие [ī], [ē], [ō], [ū], [ā], краткие [i], [e], [o], [u], [ū], [a] и беглые [ā̄], [ē̄], [ū̄], [ū̄̄].

Таблица 4

Гласные звуки финикийского языка

Передние	Средние	Задние
i, ī, ü, ǖ ē, e, ē̄	ā, a, ā̄	u, u, ū, o, o

Огласованные тексты позволяют установить следующие соответствия в еврейской и финикийской огласовке.

Как правило, еврейскому долготу [ā], ведущему свое происхождение от исходного краткого [a], в финикийском языке соответствует долгий [ō], например: евр. *lābān* = финик. **lābōn* 'белый' (греч. λαβόν), евр. *šamā'* = финик. **šāmō'* 'он услышал' (греч. ΣΑΜΩ), евр. *kārā'ti* = финик. **kōrā'ti* 'я призываю' (лат. *corathi*).

Еврейскому долготу [ō], ведущему свое происхождение от исходного долготу [ā], в финикийском языке, как правило, соответствует долгий [ū], например: евр. *lašōn* = финик. **lāsūn* 'язык' (греч. λαζούν), евр. *rōpē* = финик. **rūpē* 'врач' (лат. *rufe*).

ДИФТОНГИ

Насколько можно судить по сохранившимся текстам, дифтонги [aw] и [aj] подверглись в финикийском языке стяжению. В частности, слово в надписи из эль-Хофра ΚΟΥΛΩ (**kūlō* 'голос его' из **kaʷalu* от корня *kʷl*) указывает на следующее развитие дифтонга [aw]: стяжение в [ō] и в дальнейшем переход в [ū] (ср. также *Moōð* = **mūi* из **mawtu* 'смерть'). Отсутствие [i] в написаниях типа *bt* 'дом' вместо ожидаемого *bīt* указывает по аналогии с еврейским языком на стяжение дифтонга *ai* в *e* или *i*.

СЛОГООБРАЗОВАНИЕ

Как правило, слово или слог во всех ханаанских языках, в том числе и в финикийском, могли начинаться только с согласного звука, и притом одного. Гласные в начале слога не встречаются. В том случае, когда при передаче финикийского текста средствами чуждой ему графики возникает гласное начало слога (*thuulech* 'гостеприимец'), можно всегда предполагать, что в написании не нашел своего отражения какой-то связочный или глоточный звук. В приведенном нами примере слово должно было первоначально звучать как **tūhūlek*, переходящее в **tū'ūlek*.

В то же время в финикийском языке не допускалось скопление в начале слога или слова двух или более согласных. В этом случае для облегчения произношения использовался так называемый «предстоящий алеф», присоединявшийся вместе со своим гласным к началу слова. Так, мы встречаем имя божества **šmn* вместо ожидаемого **šm*, числительные **šn*, **šnm* наряду со *šn*, *šnm* 'два', слова *bn* и параллельно ему **bn* 'сын', **ršp* и параллельно ему **ršp* — имя божества. Интересно, что в некоторых финикийских диалектах

предстоящий алеф» мог быть использован также при соединении с именем проклитического предлога. Например, наряду с обычной формой *bm̄kdš* 'в святилище' мы встречаем в надписях из Кипра написание *'bm̄kdš*.

В закрытом слоге обычно гласный его компонент краток (ср. **milk*, **melk* 'царь', греч. $\mu\lambda\kappa$, $\mu\epsilon\lambda\kappa$), но под ударением в закрытом слоге гласный мог и удлиниться (ср. написание $\text{N}\Delta\Delta\Omega\text{P} = \text{n}\ddot{a}\text{d}\ddot{o}\text{r}$ 'он посвятил по обету' в надписи из эль-Хофра). В открытом слоге гласный мог быть либо долгим ([ā] и [ō]) в слове $\Sigma\text{A}\text{M}\Omega = *š\ddot{a}m\ddot{o}$ 'он услышал' в надписи из эль-Хофра), либо беглым (начальный слог слова $\text{L}\Upsilon\text{R}\Upsilon\text{B}\text{A}\Theta\Omega\text{N} = \text{l}\ddot{u}\text{r}\ddot{u}\text{b}\ddot{a}\ddot{t}\ddot{o}\text{n}$ 'великой нашей' в надписи из эль-Хофра). Закономерность постановки в открытом слоге долгих или беглых гласных для финикийского языка пока не представляется возможным определить. По аналогии с еврейским языком можно предполагать, что беглые гласные могли находиться во втором или первом предударном слоге. Написание $\text{L}\Upsilon\text{R}\Upsilon\text{B}\text{A}\Theta\Omega\text{N}$ показывает, что если второй предударный слог был закрытым, сокращался слог, ему предшествовавший. При этом следует иметь в виду, что знаком Υ в надписи из эль-Хофра передаются как краткий [ū], так и беглый [ū̄]. Слово $\text{R}\Upsilon\text{B}\text{A}\Theta\Omega\text{N}$ происходит от корня *rbb*, и, следовательно, B в данном слове, несомненно, было удвоенным, хотя графически это удвоение и не нашло своего отражения. По своей огласовке финикийское *rūbbāṭōn* близко к арамейскому *ribbōn* 'господин наш' (ср. еврейскую огласовку *rabbaṭ* 'госпожа'). В этой огласовке возможно, следовательно, предполагать ранее влияние арамейского языка.

В некоторых случаях слово могло оканчиваться вдвойне закрытым слогом (например, **milk* 'царь', **k̄art* 'город', **h̄adašt* 'новый'). Встречающаяся у некоторых латинских авторов форма *Carthada* из **k̄art-h̄adašt* 'новый город', 'Карфаген', воспроизводящая пунийское произношение (греч. $\text{K}\alpha\rho\chi\eta\delta\acute{\omega}\nu$), показывает, что на определенном этапе развития пунийского диалекта в некоторых случаях могло происходить отпадение дувхсогласного окончания.

МОРФОЛОГИЯ

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Насколько можно судить по дошедшему до нас материалу, основным типом словообразования в финикийском языке было морфологическое (аффиксальное) словообразование. Лексическое значение слова выражалось в финикийском языке согласными

звуками корня, например: *DBR* 'говорить', *NDR* 'посвящать по обету', *PṬH* 'открывать'. Гласные звуки, будучи основными показателями словоизменения и словообразования, служили для выражения грамматических значений. Так, например, от корня *NDR*, общее значение которого, как уже говорилось, «посвящать по обету», могло быть образовано слово *NāDōR*, засвидетельствованное в надписи из эль-Хофра и имеющее значение «он посвятил по обету». Теоретически по аналогии с другими формами, засвидетельствованными в огласованных текстах, можно допустить существование слова **NoDRim* 'посвятители' (ср. у Плавта *dobrim* — **dobrim* 'говорящие' от корня *DBR*), **Nō-DaRti* 'я посвятил' (ср. у Плавта *corathi-ḳōrā'ti* 'я призвал'). Во всех этих примерах корень слова, выделенный у нас прописными буквами, легко может быть отделен от грамматического оформления.

Из сказанного следует, что корень слова представлял собой по существу прерывистую морфему, которая состояла, как правило, из трех согласных. В семитологии эти согласные принято обозначать *KTL* евр. 'убивать' или *DBR* евр. 'делать'. За последние годы в литературе начало применяться изображение корня слова формулами типа $R_1R_2R_3$, где R_1 , R_2 и R_3 соответственно первый, второй и третий коренной согласный, либо 123, где цифры также обозначают соответствующий согласный корня.

В качестве служебных морфем в финикийском словообразовании принимали участие префиксы, инфиксы, в том числе прерывистые инфиксы, представлявшие собой строго определенные в каждом отдельном случае сочетания гласных, суффиксы и окончания. Так, например, в слове *tšm* 'ты услышал' (ср. у Плавта *thyfel* = **tūp'el* 'ты сделал') могут быть восстановлены префикс *tū* и инфикс *e*, последний предположительно; в слове *nādōr* 'он посвятил' может быть выделен прерывистый инфикс *-ā-ō-*; в слове **krthdštj* 'карфагенянин' (ср. у Плавта *Carthadati*) имеется суффикс *t*, который на письме передавался знаком, обозначаемым в транслитерации через *j*, а в причастии множественного числа *dobrim* имеется окончание множественного числа *-im*.

Отсутствие огласовок в эпиграфических текстах не позволяет с достаточной точностью определить в каждом отдельном случае гласный состав того или иного аффикса, за исключением тех случаев, когда соответствующие формы нашли свое отражение в огласованных текстах. В связи с этим некоторые прерывистые инфиксы могут быть восстановлены только гипотетически на основании параллелей с другими ханаанскими языками.

Словосложение в финикийском языке, по-видимому, не осуществлялось. Исключения составляют имена собственные, например: *krthdšt* из *kr̄t ḥdšt* 'новый город'; *'bd'smn* из *'bd'smn* 'раб Эшмуна', *ḫwmlk* из *ḫw mlk* 'да будет жив царь', которые представляли собой либо устойчивые лексикализованные словосочетания, либо лексикализованные предложения, как в последнем случае.

ЧАСТИ РЕЧИ

В финикийском языке могут быть выделены следующие части речи: имя, местоимение, артикль, имя числительное, глагол, предлоги, союзы, частицы.

Имя

Как и в остальных ханаанских языках, имя в финикийском языке имело два рода — мужской и женский, три числа — единственное, двойственное и множественное, и два состояния — абсолютное и сопряженное.

В дошедших до нас памятниках собственно финикийского языка не сохранилось каких-либо указаний, которые позволили бы восстановить древнейшую систему склонения финикийского имени. Можно лишь предполагать, что имеющиеся в именах собственных формы типа **'azru*, например в имени *Hasdrubal*, содержат остатки падежных окончаний. Однако отсутствие контекстов не позволяет определить их значение, которое может быть установлено только путем сопоставления с данными других языков.

Наиболее полно и подробно известно склонение угаритского имени, которое осуществлялось следующим образом.

	Единственное число	Двойственное число	Множественное число
Им. п.	-u (<i>ks'-u</i> 'трон')	-m (<i>tlhn-m</i> 'два стола')	-um (<i>mr'-um</i> 'ре- месленники')
Род. п.	-i (<i>ks'-i</i> 'трона')	-m (<i>krn-m</i> 'двух рогов')	-im (<i>'ikn'-im</i> 'ля- пис-лазури')
Вин. п.	-a (<i>mr'-a</i> 'скот')	-m (<i>id-m</i> 'руки')	-im (<i>sb'-im</i> 'во- инов')

Для восточноханаанских диалектов засвидетельствована следующая система склонения имен:

Едиственное число		Двойственное число
Им. п.	-um ('Atamr-um)	} -aḫim (mukašš-aḫim)
Род. п.	-im ('Atamr-im)	
Вин. п.	-am ('Atamr-am)	

Аналогичные падежные формы наблюдаются и в ханаанских глоссах эль-Амарнской переписки.

Едиственное число		Двойственное число
Им. п.	-u (ruš-u-ni 'голова наша')	} -aḫa (ḫin-aḫa 'глаза' из *in-aḫa)
Род. п.	-i (bad-i-u 'в руке его')	
Вин. п.	—	

Таким образом, можно признать весьма вероятным, что и в финикийском языке первоначально существовала подобная же система склонения имени. В противном случае был бы непонятен двухсогласный исход имен типа *kaṭl*.

	Едиственное число	Двойственное число	Множественное число
Им. п.	*-u	*-aḫim	*-um
Род. п.	*-i	*-aḫam	*-im
Вин. п.	*-a	*-aḫam	*-im

Позже система флексий была, видимо, утрачена. Причину утраты флексии следует искать в развитии аналитической структуры, — процесс, который характерен для семитских языков на определенном этапе их развития.

Имена мужского рода в единственном числе не имели характерного признака и после утраты флексии характеризовались нулевым окончанием, например: **milk* 'царь', **ādūn* 'господин'; ср. в надписи из эль-Хофра АΔΟΥΝ. Отличительным признаком женского рода было окончание *-t*, например: *rbt* 'великая', *mmlkt* 'царская власть', *ḫrt* 'город', *nḫt* 'покой'. В ряде случаев имена женского рода не имели формальных признаков, как, например, *'m* 'мать'.

Независимо от наличия соответствующего окончания принадлежали к именам женского рода, как и в еврейском языке, названия стран (например, *'rṣ* мн. ч. *'rṣt* 'земля', 'страна'; у Плавта *masot* = *māḳōm* 'место' согласовано с указательным местоимением женского рода **zū't*), названия городов (например, *gbl* 'Библ') и, как можно предполагать по аналогии с другими семитскими языками, названия парных частей тела (*īd* 'рука'), а также обозначения света, огня и некоторых яв-

лений природы. Интересно отметить, что род имени в финикийском языке мог и не соответствовать грамматическому роду этого же имени в наиболее к нему близком еврейском языке. Так, например, в еврейском языке слово *jōm* 'день' — мужского рода, тогда как в финикийском языке это же слово *im* (мн. ч. *imt*) — женского рода.

Множественное число имен мужского рода после утраты флексии образовывалось путем прибавления к основе единственного числа окончания *-im*, например: *'lntm* 'боги', *šdnm* 'сидонцы', *khniim* 'жрецы', *mlkm* 'цари'. В комедии Плавта «Пуниец» мы встречаем форму причастия **dobrim* 'говорящие' и имени **gübūlim* 'границы'. По аналогии с развитием арабских диалектов можно предполагать, что это окончание генетически связано с древнейшим окончанием косвенных падежей множественного числа.

Множественное число женского рода образовывалось путем прибавления окончания *-ūt*, которому в еврейском языке закономерно соответствует *-ōt*, например: **ālōnūt* (у Плавта *alonuth*) 'богини', *šnt* 'годы', *bmt* 'сакральные высоты'.

По аналогии с еврейским и другими ханаанскими языками можно утверждать, что для обозначения парных предметов в финикийском языке использовалось двойственное число. В пользу этого предположения говорит и форма двойственного числа *šnt* 'два' (ср. др.-евр. *šna'im*). Однако отсутствие огласовок не позволяет решить вопрос о степени распространенности двойственного числа в финикийском языке.

Выше рассматривались формы имени в его абсолютном состоянии. Но, как уже отмечалось, имена могли находиться и в сопряженном состоянии, например: *'š šdn* 'человек Сидона'. Эта синтаксическая конструкция служила для выражения разнообразных связей между именами. По аналогии с древнееврейским языком можно сказать, что определяющее имя, оказывая обратное влияние на определяемое слово, вызывало некоторые изменения в его вокализме, окончаниях и т. д. Однако отсутствие огласовок не позволяет выяснить, в каком направлении шли эти изменения в финикийском языке. Правда, у Плавта имеются сочетания *bun ui* = **būn 'ūhī* 'сын брата моего', а также *chirs aelychot* = **kirs hāhēlūkōt* 'табличка гостеприимства', но формы имен **būn* 'сын' и **kirs* 'табличка' в абсолютном состоянии неизвестны. Окончание имен женского рода *-t* засвидетельствовано как для абсолютного, так и для сопряженного состояния.

Более определенно можно судить о множественном числе мужского рода в сопряженном состоянии. Согласно надписи из Эль-Хофра пунийское *pn b'l* 'украшение Ваала', обычный эпитет

богини Тиннит, произносилось как **pāne bāl* (ΦΑΝΕ ΒΑΛ), следовательно, окончание множественного числа *-im* в данном случае, как и в древнееврейском языке, заменялось в сопряженном состоянии на *-e*. Вероятно, о том же свидетельствуют и неопунийские написания *pn'* и *pn'*.

В связи с тем, что нам известно сравнительно незначительное количество огласованных финикийских слов, восстановить полностью систему образования имен пока не представляется возможным. На современном этапе развития наших знаний могут быть определены следующие формы.

Имена существительные

kaṭilu > *kāṭēl* (**gādēr*, ср. греч. Γάδειρα—имя собств.);

kaṭālu > *kāṭōl* > *kāṭūl* (**lāšūn*, ср. греч. λασσον 'язык'; **šālūs*,

у Плавта *salus* 'три');

kaṭilu > *kāṭil* (**nēštē*, греч. νεσιβ 'стена');

kuṭūlu > *kūṭūl* (**gūbūl*, ср. у Плавта мн. ч. *gubulim* 'граница');

kāṭalu > *kūṭōl* (**ūlōm*, греч. οὐλωμος 'вечность');

kaṭlu > *kāṭl* (**abd* 'раб', *kart* 'город');

kiṭlu > *kiṭl* (**milk* 'царь', **kirs*, ср. у Плавта *chirs* 'табличка');

kuṭlu > *kuṭl* > *kōll* (**molk*, лат. *molch* 'человеческое жертвоприношение');

kāṭilu > *kōṭēl* > *kūṭēl* (**šūpēt*, лат. *sufes* и *suffetis*, а также **rūpe*, у Плавта *rufe* 'врач').

Имена с префиксом *m* (**ma-*, **mi-* или **mu-*) могли иметь значения:

орудия, например: *mšql* 'гиря', *m'sn* 'урна для сожжения', *mzbh* 'алтарь';

имени места действия, например: *mkdš* 'святилище', *mht* 'военный лагерь', *mišb* 'каменоломня';

профессии, например: *mhk* 'резчик',

и, в женском роде, действия, например: *mšrt* 'служба', *mbnt* 'строительство', *mmlkt* 'царствование', позже переосмысленное как 'царская власть', 'царь', 'правитель'.

Имена с префиксом *-t* в дошедших до нас текстах почти не засвидетельствованы. В древнееврейском языке при помощи этого префикса могли образовываться отглагольные имена, каковым, вероятно, соответствует пунийское имя *tūhulēk* (у Плавта *thuulech*) 'гостеприимец', происходящее от корня *hlc*. Известно также отглагольное имя *t'g* 'внешний вид' с этим префиксом, происходящее от корня **r'/h*, соответствующего еврейскому *r'h* 'видеть'.

Сохранившаяся у Плавта форма множественного числа **ālōnim* (в латинской передаче *alonim*) 'боги' свидетельст-

вует о том, что в пунийском словообразовании использовался суффикс *-ōn*, значение которого, однако, неясно.

Суффикс *-ōt* мог придавать именам значение абстрактного имени, например: **pē'ēliōt* (лат. *feliōth*) 'работа', *mkt* 'царская власть', а также собирательного имени, например: *n'spt* 'собрание'.

Имена прилагательные

katalu > *kātōl* (**lābōn*, греч. λεῖβον 'белый');

kāṭālu > *kāṭāl* > *kōtōl* (**kōtōn*, греч. κωθών 'малая гавань');

kattilu > *kattil* (по аналогии с еврейским написанием **'ad-dir* 'могучий').

Суффикс *-i(-ī)* служил для обозначения относительных прилагательных, в частности для образования этниконов, например: *šdnī* 'сидонец', **karṭhadaštī* (у Плавта *Carthadati*) 'карфагенянин'.

Местоимения

Личные местоимения финикийского языка могут быть разделены на две группы: обособленные и энклитические, так называемые местоименные суффиксы. Обособленные местоимения обычно являлись в предложениях подлежащими, но в отдельных случаях они могли выступать и в роли связки.

Таблица 5

Обособленные личные местоимения

Число	Лицо	Род	Финикийский язык	Еврейский язык
Единственное	1-е		'āpēk (у Плавта <i>anech</i>), 'n	'ānōkī, 'ānī
	2-е	м. ж.	't 't	'attā 'att
	3-е	м. ж.	h', h't hū' (ср. в латинском написание <i>hu</i>)	hū' hī'
Множественное	1-е		'nḥn	'ānaḥnū, 'ānū
	2-е	м. ж.	—	'attām 'attān
	3-е	м. ж.	hmt —	hēm hēn

Энклитические личные местоимения могли присоединяться к и мени, предлогу или глаголу. В первом случае они выступали в роли притяжательных местоимений, например: *rbtī* 'великая моя'. В том случае, когда они присоединялись к глаголу или предлогу *īt*, которому соответствует еврейский *'ēl'āl*, они служили для обозначения прямого объекта, например: *p'ltn* 'сделала меня'. В сочетании с другими предлогами энклитические личные местоимения играли роль косвенных объектов, например: *līk* 'надо мной', *lk* 'тебе'. Иногда подобное значе-

Таблица 6

Энклитические личные местоимения

Число	Лицо	Род	Финикийский язык		Еврейский язык
			с именами и предлогами	с глаголами	
Единственное	1-е		- <i>ī</i> , - <i>i</i> (на письме не обозначалось)	- <i>n</i>	- <i>ī</i> , - <i>nī</i>
	2-е	м.	- <i>k</i>	- <i>k</i>	- <i>kā</i>
		ж.	- <i>kī</i>	—	- <i>k(i)</i>
3-е	м.	- <i>h</i> ¹ - <i>w</i> ² - <i>'</i> ³ - <i>ī</i> ⁴	- <i>h</i> ¹ - <i>w</i> ² - <i>'</i> ³ —	- <i>hū</i> - <i>ō</i> , <i>ū</i>	
	ж.	- <i>ī</i> ⁵ - <i>'</i>	- <i>ī</i> ⁵	- <i>āh</i>	
Множественное	1-е		- <i>nū</i> (у Плавта - <i>ni</i>)	—	- <i>nū</i>
	2-е	м. ж.	—	—	—
	3-е	м.	- <i>hōt</i> (у Плавта <i>hot</i>) - <i>im</i> после согласного окончания (у Плавта - <i>im</i>) - <i>nt</i> после гласного	- <i>hm</i> - <i>t</i>	- <i>hām</i> - <i>t</i>
ж.		- <i>hn</i>	—	- <i>hān</i>	

1 — библский диалект (XIII—XI вв.); 2 — библский диалект (XI в. и позже); 3 — пунийский диалект (I тысячелетие); 4 — неопунийское написание; 5 — общефиникийское (I тысячелетие)

ние эти местоимения приобретали и в сочетании с глаголами: *ḵdbrnk* 'скажут тебе'.

Многообразие форм энклитических местоимений 3-го лица единственного и множественного числа объясняется, как уже отмечалось, либо выпадением в интервокальном положении согласного *h*, либо его переходом в большинстве финикийских диалектов в этом положении в ' или *ḵ*.

Указательное местоимение «этот» имело в мужском роде единственного числа форму *z*. В отдельных финикийских диалектах наблюдаются следующие варианты этого местоимения: *zn* (библейский диалект), *z'* и *'z* (последний с предстоящим алефом, о-в Кипр), *s* (неопунийский диалект). В неопунийском написании это местоимение встречается также в формах *h'z*, *'hz*, *hš*, (видимо, следует читать *hš*) и *hiz*, которые указывают, очевидно, на употребление местоимения с определенным артиклем *h* и которые в общем соответствуют еврейскому *hazzē*.

В женском роде местоимение приобретало форму *zt* (ср. у Плавта *syth* = *zūt*, а также евр. *zōt*) с характерным окончанием женского рода *-t*.

Во множественном числе указанные местоимения как мужского, так и женского рода имели одинаковую форму *'ilū* (у Плавта *ily*).

По аналогии с еврейским языком можно предположить, что в качестве указательных могли употребляться также и обособленные личные местоимения 3-го лица единственного и множественного числа.

Местоимение *z* в ранних текстах из Библии второй половины тысячелетия до н. э. использовалось и в значении относительного местоимения «который», например: *ḵr z bnī* 'стена, которую соорудил'.

Обычно же относительное местоимение имело в финикийском языке форму *'š* или *š* (в последнем случае без «предстоящего алефа»), чему в аккадском языке соответствует *ša* и в еврейском *šā*. В комедии Плавта «Пуниец», на которую мы уже неоднократно ссылались, сохранились следующие варианты пунийской огласовки этого местоимения: *'ūš* (*us*, так и в надписи из эль-Хофра ḴΣ), *šū(sy)* и *šī(sī)*.

Вопросительное и неопределенное местоимения в финикийском языке совпадали:

	Финикийский язык	Еврейский язык
кто, кто-то	<i>mē, mī</i> (у Плавта <i>mī</i>)	<i>mī</i>
что, что-то	<i>mlm, mī</i> (у Плавта <i>mi</i>)	<i>mā</i>

Артикль

В финикийском языке, как и в остальных ханаанских языках, основным средством выражения определенности имени служил единый для всех имен независимо от рода и числа проклитический артикль *h-*. В пунийском диалекте после исчезновения в живой речи звука [h] артикль мог принимать звучание [ʿ], что отразилось, несомненно, в комедии Плавта «Пулиец», где мы встречаем формы: *aelychot* = **hāhēlūkōt* с последующим переходом в **a'ēlūkōt* 'гостеприимство' и *uulech* = **hūhūlēk* с последующим переходом в **ū'ūlēk* 'пришелец', 'чужеземец'.

В финикийском языке, очевидно, возможны были различные огласовки артикля, чем финикийский язык существенно отличается от еврейского, где только перед безударными слогами *-hā-* и *-'a-* артикль, как известно, принимает форму *hā-*. Недостаточность языкового материала не позволяет определить закономерности огласовки артикля; не исключено, однако, что форма *ū'ūlēk* объясняется уподоблением гласного артикля начальному гласному имени. По аналогии с еврейским языком можно предполагать, что артикль требовал удвоения после себя первого коренного согласного имени по типу *haddābār* от *dābār* 'слово'.

Определенный артикль *h-* появился в финикийском языке и, как можно предполагать, в других ханаанских языках сравнительно поздно — в начале I тысячелетия до н. э. В более ранних текстах он не встречается. Как показал венгерский ученый И. Айтштейнер²⁴, в угаритском языке для определения имени использовался постпозитивный артикль — мимация; окончание *-m* присоединялось к соответствующему имени, например: *'lm* 'этот бог', *mtm* 'эта смерть'. Не исключено, что аналогичное явление могло иметь место и в финикийском языке, тем более, что в египетской передаче ханаанских собственных имен, а также в ханаанских глоссах эль-Амарнской переписки мимация отмечалась. Постепенно, не позже середины II тысячелетия до н. э., мимация в финикийском языке потеряла свое грамматическое значение и была утрачена, чем, по-видимому, и объясняется тот факт, что в финикийских надписях второй половины II тысячелетия до н. э. она отсутствует. Вероятно, между временем, когда исчезла мимация, и временем, когда возник новый способ определения имени при помощи проклитического артикля, существовал какой-то переходный период.

²⁴ J. Aistleitner, *Untersuchungen zur Grammatik des Ugaritischen*, Berlin, 1954, S. 34—35.

Определение имени могло осуществляться также при помощи энклитических местоимений (например, *imw wšntw* 'дни его и годы его') либо путем употребления этого имени в сопряженном состоянии.

Имя числительное

Имена числительные, насколько мы можем судить, по способу своего образования не отличались от существительных и прилагательных. В надписях засвидетельствованы следующие количественные числительные:

<i>'ḥd, ḥd</i>	'один'	<i>'šrm</i>	'двадцать'
<i>šnm, 'šnm</i>	'два'	<i>šlšm</i>	'тридцать'
<i>šlš</i>	'три'	<i>'rbm, 'rb'm</i>	'сорок'
<i>'rb', rb'</i>	'четыре'	<i>ḥmšm</i>	'пятьдесят'
<i>ḥmš</i>	'пять'	<i>ššm</i>	'шестьдесят'
<i>šš</i>	'шесть'	<i>šb'm</i>	'семьдесят'
<i>šb'</i>	'семь'	<i>šmnm</i>	'восемьдесят'
<i>šmn</i>	'восемь'	<i>m't</i>	'сто'
<i>tš'</i>	'девять'	<i>m'tm</i>	'двести'
<i>'šr</i>	'десять'	<i>'lp</i>	'тысяча'

Приведенные примеры показывают, что названия десятков представляют собой множественное число от названий соответствующих единиц. Исключение составляет лишь «двадцать» — единственное число от «десяти». Сочетания сотен, десятков и единиц выражались путем соединения соответствующих слов при помощи союза *w* 'и', например: *'šr w šš* 'шестнадцать' ('десять и шесть').

Порядковые числительные образовывались путем прибавления к соответствующей основе суффикса *-i(-i)*. До нас дошли формы *šni* 'второй', *'rb'i* 'четвертый', *ḥmši* 'пятый'.

Глагол

Ханаанские языки, в том числе и финикийский, не имели достаточных средств для выражения отнесенности ко времени действия или состояния, иными словами, глаголы в этих языках не имели категории времени, присущей, например, индоевропейским языкам. Так называемые «времена» семитского глагола представляют собой по сути дела его виды — совершенный и несовершенный. Предполагают, что первоначально глагольное значение имел только несовершенный вид, который обозначал действие, совершавшееся в прошлом, настоящем или будущем. Что же

касается совершенного вида, то он представлял собой вначале именное глагольное образование, из которого путем слияния именной формы с энклитическим личным местоимением возникла спрягаемая глагольная форма, первоначально использовавшаяся для обозначения продолжительного действия, совершавшегося в момент произнесения речи, а затем начавшая обозначать завершённое действие или состояние.

Отсутствие огласовок и недостаточность дошедшего до нас языкового материала не дают возможности восстановить во всех деталях систему спряжения финикийского глагола. Однако то, что известно, позволяет определить некоторые формы.

Совершенный вид. Для совершенного вида характерна суффиксальная система спряжения. Суффиксы, являющиеся показателями лица, по-видимому, представляли собой в начальной стадии развития языка энклитические местоимения, слившиеся впоследствии с глагольной основой.

Таблица 7

Совершенный вид глагола в основной породе (pā'ól)

Число	Лицо	Род	Суффикс	Финикийский язык	Еврейский язык
Единственное	1-е		-tī	* <i>kōrā'-tī</i> (ср. у Плавта <i>corathi</i>) * <i>naṣ'-ot</i> (ср. у Плавта <i>nasot</i>)	<i>kāṭalti</i>
	2-е	м. ж.	-tā -t	—	<i>kāṭaltā</i> <i>kāṭalt</i>
	3-е	м. ж.	— -ā	* <i>nādōr</i> (ср. в надписи из эль-Хофра ΝΑΔΩΡ) <i>sm'</i> <i>p'l-t</i> (библиский диалект)	<i>kāṭal</i> <i>kāṭēlā</i>
Множественное	1-е		-nā	<i>bn-n</i>	<i>kāṭalnū</i>
	2-е	м. ж.	-tām <i>lūn</i>	—	<i>kēṭaltām</i> <i>kēṭaltūn</i>
	3-е		-ū	<i>lḳḳ, bn</i>	<i>kāṭēlū</i>

Несовершенный вид. Глаголам в несовершенном виде свойственно было префиксальное спряжение: суффиксы употреб-

лялись только во множественном числе, а также во 2-м лице единственного числа женского рода.

Таблица 8

Несовершенный вид глагола в основной породе (pā'ōl)

Число	Лицо	Род	Форманты	Финикийский язык	Еврейский язык
Единственное	1-е		<i>iū-</i>	* <i>iūtmūm</i> (ср. у Плавта <i>ythmum</i>), <i>l-hw</i> , <i>l-rhb</i>	<i>'ikṭōl</i> , <i>'ūḳṭōl</i>
	2-е	м.	<i>tū-</i>	* <i>tūp'el</i> (ср. у Плавта <i>thyfel</i>), <i>t-šm'</i>	<i>tikṭōl</i>
		ж.	<i>tī...l</i>	—	<i>tikṭēl</i>
3-е	м.		<i>iī-</i>	<i>l-brk</i>	<i>likṭōl</i>
	ж.		<i>tī-</i>	<i>t-šm'</i>	<i>tikṭōl</i>
Множественное	1-е		<i>ni-</i>	—	<i>nikṭol</i>
	2-е	м.	<i>tī...ū</i>	—	<i>tikṭēlū</i>
		ж.	<i>tī...nā</i>	—	<i>tikṭolnā</i>
3-е	м.		<i>il...ū</i>	<i>l-zbh</i> , <i>l-šm'</i>	<i>likṭēlū</i>
	ж.		<i>tī...nā</i>	—	<i>tikṭolnā</i>

Инфинитив. Инфинитив (отглагольное имя), как это имеет место и в других семитских языках, обладал в финикийском языке не только свойствами глагола, но также и свойствами имени. Будучи глаголом, инфинитив мог иметь при себе прямое дополнение, например: *l'tr' it šm'b'l bn mgn* 'увенчать Шемаваала сына Магона' (инфинитив *tr* с предлогом *l*), и косвенное дополнение, например: *'it r't z lktb h'dmm* 'решение это записать людям' (инфинитив *ktb* с предлогом *l*; беспредложная конструкция *ktb h'dmm* в данном случае является неудачной калькой с греческого языка τῆν γυναικὴν ταύτην ἐγγράφαι τοῖς ἀνδράσι).

Выступая в функции имени, инфинитив мог сочетаться с предлогами как прямой или косвенный объект, например: *tm l'tr* 'постановила [община] увенчать' (предлог *l* вводит прямой объект), а также находиться в абсолютном и сопряженном состоянии, в последнем случае в качестве подчиняющего слова, например: *lšbtnm dnnjm* 'для жительства (букв. 'чтобы жить') их, данунинов' (инфинитив *šbt* в сочетании с энклитическим местоимени-

ем). Огласовку сопряженного состояния инфинитив принимал и в сочетании с предлогами при отсутствии определяющего слова, например: *lip'ul*, у Плавта: *liful* 'чтобы сделать'.

Находясь в абсолютном состоянии, инфинитив выступает в дошедших до нас текстах в роли «адвербиального» инфинитива, например: *rgz trgz* 'беспокойством (букв. 'беспокоить') беспокоишь меня' (инфинитив *rgz*). В еврейском языке инфинитив в абсолютном состоянии образовывался по образцу имен типа *kaṭalu* > *kaṭol*, чему в финикийском языке должно соответствовать **koṭūl*||*rōgūz*. Огласовка инфинитива в сопряженном состоянии прямо засвидетельствована у Плавта в сочетании с предлогом *lī*: *liful-lip'ul* 'чтобы сделать' из **lipē'ul*. Таким образом, форма инфинитива в сопряженном состоянии может быть восстановлена как **keṭul*, что соответствует еврейскому *keṭol*.

Грамматическая форма повелительного наклонения известна только по глоссам, встречающимся у Плавта. В частности, мы находим здесь форму приветствия: *awo* = **hāwō* 'будь здоров', которая позволяет реставрировать форму 2-го лица ед. ч. мужского рода повелительного наклонения: *kāṭol*.

Для 2-го лица мужского рода множественного числа повелительного наклонения засвидетельствована форма *aru* = **ar'ū* 'смотрите', или в общем виде *kaṭlū*. Для неправильного глагола *hlk* 'идти' может быть указана форма 2-го лица повелительного наклонения мужского рода *leḥk*, также сохранившаяся у Плавта (*lech*) и полностью соответствующая аналогичной форме в еврейском языке.

В финикийских надписях весьма часто встречаются глаголы в пожелательном наклонении, например: *ḫbrk* 'да будет он благословен', *išm'* 'да услышит она'. Графически формы спряжения глаголов в пожелательном наклонении не отличались от их форм спряжения в несов. виде. Какие-либо особенности огласовки глаголов в пожелательном наклонении неизвестны.

С формой пожелательного наклонения совпадает также форма наклонения косвенного приказа. В дошедших до нас текстах засвидетельствованы случаи употребления глаголов этого наклонения с запретительной частицей *'l:l tptḥ* 'не открывай' (*ptḥ* 'открывать').

Форма причастия действительного залога может быть установлена с учетом аналогичной формы еврейского языка по форме имен *rufe* < *rūpe'*, *sufes*, *sufetis* < *šūpēt* или *kū-tēl*. Множественное число причастия действительного залога, как и множественное число имени, образовывалось путем прибавления окончания *īm*, например: *dobrīm* (у Плавта: *dobrim*) 'говорящие', *ḫuṣ'īm* (у Плавта: *iusim*) 'выходящие'. В надписях засвидетельствованы также и пассивные причастия основ-

ной породы: *šm'* 'услышан', *p'l* 'сделан'. Отсутствие гласных в написаниях не позволяет с достаточной надежностью определить форму этих причастий. Исходя из соответствующей еврейской формы филикийское пассивное причастие основной породы может быть предположительно реконструировано как **kōjūl*.

В отличие от еврейского языка финикийский язык, насколько об этом можно судить, наряду с активным имел также и пассивное спряжение основной породы глагола. Правда, текстами засвидетельствован только один случай. В уже многократно цитированной комедии Плавта «Пуниец» мы читаем: *Yth binim ys dubirth ynnocho tnu Agorastocles* 'Что же касается его сына, то сказано мне: «здесь, с нами Агорастокл»'. Форма *dubirth* < **dubirt* — это 1-е лицо единственного числа страдательного залога основной породы глагола *dbr* 'говорить'. Этой форме аналогична арабская пассивная форма *kuṭila*. Обычно же оттенки значений глагола — возвратность, интенсивность, каузативность, пассивность — выражались особыми глагольными основами, которые по укоренившейся в семитологии традиции носят название глагольных «пород». Полностью спряжение этих основ и образымы от них глагольные имена неизвестны, что объясняется недостаточностью доступного исследователям языкового материала. К тому же в неогласованных текстах трудно определить (и контекст не всегда приходит на помощь), в какой породе употреблен данный глагол, если при образовании этой породы консонантный состав слова не изменялся, тем более, что удвоение согласных на письме не отмечалось.

Основная порода финикийского глагола, которую можно условно обозначить *ra'ōl*, имела значение действительного залога. Примеры употребления этой формы глагола многочисленны: *špṭ* 'судить', *ndr* 'посвящать по обету', *p'l* 'делать', 'сооружать' и т. д. Известная и уже многократно упоминавшаяся надпись из эль-Хофра сохранила огласовку пунийского глагола этой породы *nādōr* (N A Δ Ω P) 'посвящать по обету', *šāmō* (Σ A M Ω) 'слушать', что позволяет реставрировать эту форму в общем виде как *kātōl*. Долгота второго гласного в этом случае с закономерным переходом *a* в *ō* является характерной особенностью финикийского языка. В еврейском языке обычна огласовка основной породы по типу *kaṭal* с кратким вторым гласным; долгий гласный появляется только в том случае, когда глагол ставится в речевой паузе.

Глаголы в породе *pir'al* имели рефлексивное, пассивное либо медиальное значение. Характерным признаком глаголов этой породы был префикс *ni-*, присоединявшийся к основе породы *ra'ōl*. В дошедших до нас финикийских текстах можно указать, например, на следующие глаголы этой породы: *nr'l* 'сделан', *n'nš*

‘подвергся наказанию’, *ngzl* ‘ограблен’. В несовершенном виде звук *n* — отличительный признак данной породы — ассимилировался последующим первым коренным согласным звуком. Поэтому вместо исходного **ĩnkatel* в древнееврейском языке мы имеем форму 3-го лица мужского рода *ĩkkat̄el*. Аналогичное явление наблюдается и в финикийском языке, например форма 3-го лица множественного числа мужского рода *ĩkbr* ‘они будут погребены’. Другие формы несовершенного вида породы *piṛʿal* в памятниках финикийского языка не засвидетельствованы.

Интенсивность, многократность и иногда каузативность выражались в финикийском языке интенсивной породой *piʿel*. Огласовка этой породы сохранилась в латинской передаче имени собственного *Balsilech* < *baʿal šillek* ‘Ваал ниспослал’.

Огласовка пассивной интенсивной породы неизвестна; можно предполагать, что она не отличается от огласовки соответствующей еврейской породы *piʿal*. В качестве примера укажем на глаголы *kbr* ‘быть погребенным’, *zbh* ‘быть принесенным в жертву’. Но не исключено, что эти глаголы находились в форме пассива основной породы.

Форма активной каузативной породы финикийского языка существенно отличается от подобной же породы еврейского языка. В еврейском языке каузативная порода имеет форму *hiṛʿil*, тогда как в финикийском языке ей соответствует форма **ĩiṛʿil*. Еврейскому префиксу *hi-* в данном случае точно соответствует финикийское **ĩi-*, ср., например, *ĩkds̄* ‘освятить’ и евр. *hikd̄is̄*; *ĩnh* ‘заставить покоиться’ и евр. *hinnl̄ah*. В пассивной каузативной породе, однако, сохраняется префикс *h-* (*hnh* ‘быть положенным’), переходящий в некоторых случаях в ’- (в причастии *ʿzrm* ‘прекратившийся’).

Причастия усилительных и каузативных пород образовывались, как правило, путем прибавления к соответствующей основе префикса *m-*. Таковы формы *mnhm* ‘утешитель’ (порода *piʿel*, корень *nhm*), *mkm* ‘основатель’ (порода *ĩiṛʿil*, корень *kwm*), *mhm̄t* ‘убитый’ (порода *hiṛʿal*, корень *mwt*).

Возвратно-усилительная порода финикийского глагола образовывалась при помощи префикса *ht-*, а в несовершенном виде *ĩt-*, который, судя по аналогии с еврейским языком, присоединялся, очевидно, к основе интенсивной породы. Так, в неопубликованных текстах встречается глагол *htkd̄š* ‘посвящать себя’ (ср. также в несовершенном виде 3-го лица множественного числа *ĩtlwn* ‘они будут ползать’).

Наряду с перечисленными породами, которые встречаются не только в финикийском языке, но и в Библии, в финикийских письменных памятниках засвидетельствованы глагольные породы, отсутствующие в Библии или сравнительно редко в ней

встречающиеся, но, быть может, бытовавшие в живой еврейской речи. Известны глаголы в рефлексивно-пассивной породе *'iṣta'al*, соответствующей арабской VIII породе (в несовершенном виде) 2-го лица мужского рода: *tḥtsp* (от корня *ḥsp* 'очищать', 'сдирать') и *tḥtpk* (от корня *hpk* 'возвращать', 'поворачивать'), а также у Плавта в 1-м лице единственного числа несовершенного вида: *ysthyaal = iḥštū'al* от корня *šl* 'просить'. Последний, однако, может быть истолкован как находящийся в породе *hiṣpa'eI* с метатезой *š — t*.

В известной надписи из Каратепе имеется порода *niṣpa'eI* от глагола *š'ḥ* 'опасаться', 'бояться', 'быть опасным': причастие множественного числа *nšt'm* 'опасные' и 3-е лицо множественного числа несовершенного вида *išt'* 'опасались' с обычной для семитских языков метатезой *š — t* вместо ожидаемого **išt'* и закономерным отпадением третьего коренного *ḥ* (ср. *bnḥ > bn*).

Таблица 9

Таблица образования глагольных пород

Условное обозначение	Значение	Форма	Параллельные формы древнееврейского языка
<i>pā'ol</i>	основное глагольное значение	<i>ndr (nādōr)</i>	<i>kaṭal</i>
<i>niṣ'al</i>	рефлексив, пассив, медиальность	<i>ngzl (*nigzal)</i>	<i>niḳṭal</i>
<i>pi'eI</i>	интенсивность, многократность, каузативность	<i>šlk (šillek)</i>	<i>kiṭṭel</i>
<i>pu'al</i>	пассив к <i>pi'eI</i>	<i>ḳbr (*ḳubbar)</i>	<i>kuṭṭal</i>
<i>iṣp'il</i>	каузатив	<i>iḳdš (*iḳdīdš)</i>	<i>hiḳṭil</i>
<i>huṣ'al</i>	пассив к <i>iṣp'il</i>	<i>hnh (*hūnah), 'zrm (*'uzram)</i>	<i>hoḳṭal</i>
<i>'iṣta'al</i>	рефлексив-пассив	<i>tḥtsp (*tiḥtasap)</i>	
<i>hiṣpa'eI</i>	возвратно-усилительная	<i>hiḳdš (hiḳkaddeš)</i>	<i>niḳṭattel</i>
<i>niṣpa'eI</i>	возвратно-усилительная	<i>*nšt'ḥ (*ništa'eI)</i>	<i>niḳṭattel</i>

Неправильности в спряжении глаголов отдельных типов были в финикийском языке следствием закономерных фонетических процессов. Отсутствие огласовок не позволяет с достаточной определенностью выяснить особенности происходивших в каждом отдельном случае изменений. В частности, не вполне ясно, какое влияние оказало на огласовку соответствующих глаголов и на их спряжение отпадение третьего коренного *ḥ* и возникно-

вение так называемых «недостаточных» корней. Поздние финикийские написания *bn'* (из древнейшего *bnī*, перешедшего в *bn*) показывают, что гласный второго слога в этом случае был долгим. Однако долгим, как мы видели, был соответствующий гласный и в правильном глаголе.

С несколько большей определенностью можно судить о глаголах с начальным *ī*. Судя по тому, что написания форм несовершенного и совершенного видов этих глаголов совпадают (*īšb* 'обитать'), можно предполагать, что в несовершенном виде здесь произошло стяжение дифтонга *īī* > *i* или *e* (**īēšēb* или *īišāb*). Инфинитивы этих глаголов имеют форму двухслогоного имени с окончанием женского рода, например: *d't* 'знать'.

У глаголов, имеющих один из коренных согласных *n*, он ассимилировался последующим согласным звуком, как это имеет место и в еврейском языке. Так, у глаголов с начальным *n* в несовершенном виде основной породы *n* ассимилируется последующим коренным согласным, например: *īš'* вместо **īnš'* от корня *nš'* 'поднимать'. В надписях засвидетельствован и глагол с удвоенной второй коренной *tm* 'постановлять' (с вероятной огласовкой *tūm*) от корня *tmm*.

Наречия

По сохранившимся памятникам известны наречия:
'p 'даже', например: *'p 'm 'dmm īdbrnk* 'даже если люди будут говорить тебе';
blt 'только': *blt 'nk* 'только я';
lm't 'внизу', например: *'l īkn lm šrš lm't* 'да не будет у них корня внизу';
lm'l 'наверху', например: продолжение предыдущей фразы, *wpr lm'l* 'и плода наверху';
'd 'еще', например: *'d ītn ln* 'и еще дал нам';
b'd 'сейчас': *bo'dū* (у Плавта *body*);
kdm 'прежде', например: *'d 'lm kkd m* 'навечно, как прежде';
šm 'там', например: *k 'ī šm* 'ибо нет там';
hnk 'здесь', например: *hūnnōko 'otnu* 'здесь с нами' (у Плавта *unnocho tnu*);
p 'здесь': *po kănēt* (у Плавта *pho caneth* 'здесь я нашел');
dkī 'здесь': *īšb dkī* 'лежащий здесь';
blt 'только', например: *blt 'nk škb b'rn z* 'только я покоюсь в саркофаге этом'.

Предлоги

Дошедшими до нас письменными памятниками засвидетельствовано употребление в финикийском языке ряда предлогов.

Проклитические предлоги

b 1) 'в' (в значении направления — «куда»), например: *wiṭn'ī b'rpṭ* 'и пусть они поставят его в портике'; 2) 'в' (в значении места действия — «где»), например: *bikt* 'посредине', *b'rn* 'в саркофаге'; 3) 'из', например: *'l i'msn bmskb z* 'не выноси меня из места успокоения этого'; 4) выражает отношения орудийности, например: *būmūšūrīōhōm* (у Плавта: *bumysyrthohom*) 'попечением их'. Передавая это значение, предлог *b* мог вводить обстоятельства причины например: *bn'm lbī* 'из-за доброты сердца моего' (букв. 'добротою сердца моего').

l 1) 'для', например: *lp'l* 'для того, чтобы сделать' (у Плавта: *liful*); 2) выражает отношения принадлежности, например: *bim 4 lmrzḥ bšt 15 l'm šdn* 'в день 4-й [месяца] Марзах, в год 15-й народа Сидона'; 3) указывает на направление действия, например: *lk* 'тебе', *iī* 'мне'; 4) вводит прямой объект, например: *tm l'tr* 'постановила [община] увенчать'.

Обособленные предлоги

'dl 'с', например: *'dln* 'со мной'.

't 1) 'с', 'вместе с', например: *'t rp'm* 'вместе с обитателями загробного мира'; 2) указывает на направление действия, например: *kr't 't rbtī b'lt gbl* 'воззвал я к великой моей владычице Библа'; *wntn 't hkhn* 'и переданы они жрецам'.

'il't — указывает на то, что соответствующее имя или местоимение является прямым объектом действия, например: *tbrk b'lt gbl 'it iḥwmlk* 'благословила владычица Библа Йехавилка'.

'l, *'lt* 1) 'над', например: *mmlkt 'l gbl* 'царь над Библом', *'lti* 'надо мной'; 2) 'к', например: *ss 'l ss* 'конь к кбню'; 3) 'возле', например: *'ali i'ērā* (у Плавта: *ali thera*) 'возле двери'.

tht 'под', например: *tht šmš* 'под солнцем'.

lpnī 'прежде', 'перед', например: *lpnī hšt* 'перед годом этим'.

'd 'до', например: *'d mb'i* 'до заката его'.

mn 'от', 'из', например: *m's i'zbḥ* (из **mn 's i'zbḥ*) 'из того, что будет принесено в жертву'.

'hr 'за', 'после', 'вместо': *'hr 'š* 'после того, как'.

md служил для обозначения повторяемости действий, например: *im md im i'rh tht i'rh* 'день за днем, месяц за месяцем'.

Союзы

Сохранившимися письменными памятниками финикийского языка засвидетельствованы следующие союзы.

Проклитические союзы

w 1) 'и', например: *'l 'l tptḥ 'lti w'l trgz* 'не открывай, не открывай надо мной и не беспокой меня'. Ср. также: *kl n'm*

dnñjm wšb' wmn'm 'все хорошее для дануниитов, и обилие, и довольство';

2) 'но', 'а', например: *w'n 'nk 'ršt 'zt bmb' šmš 'š bl 'n kl hmlkm 'š kn lpn̄j w'nk 'ztwd 'ntnm* 'и покорил я страны могучие, на западе, которые не покорил ни один из царей, которые были до меня, а я, Азитавадд, покорил их'.

Этот союз служил для выражения последовательности и взаимосвязанности действий, например: *wkn b̄jmt̄j kl n'm ldññjm wšb' wmn'm wml' 'nk 'krt p'r wp'l 'nk ss'l ss wmgñ 'l mgn wmhnt 'l mhnt... wtrk̄ 'nk kl hr' 'š kn b'rs w̄jñn' 'nk bt 'dn̄j bn'm wp'l 'nk lšrs 'dn̄j n'm* 'И было в дни мои все хорошее для дануниитов, и обилие, и довольство. И восстанавливал я (букв. 'заполнял') разрушения Па'ара. И прибавлял я (букв. 'сделал') коня к коню, и щит к щиту, и войско к войску... И уничтожал я всякое зло, которое было в стране. И устраивал (букв. 'строил') я дом господства моего в благополучии. И делал я для корня господства моего доброе'.

Частным случаем подобного употребления союза *w* является употребление этого союза при глаголах несовершенного вида, использовавшихся для выражения завершённого или многократно повторявшегося действия («консекутивный» *w* в приведённом выше примере: *w̄jñn'* 'и устраивал я').

Союз *w* вводит придаточные предложения следствия, например: *km'š k̄rt 't rbt̄j b'lt gbl wšm' k̄l wp'l l̄j n'm* 'Каждый раз, когда взывал я к великой моей владычице Библа, то бывал услышан голос мой и бывало сделано мне добро'.

k 'так как', 'ибо', например: *kt'bt 'štr̄t h̄dbr h'* 'ибо оскорбление Астарты деяние это'.

Обособленные союзы

'*m* 1) 'если', например: *w'm pth̄ tpt̄ñ 'lt̄j* 'И если открыванием откроешь надо мной'; 2) 'или', например: *kl 'dm 'š j̄pt̄ñ 'lt̄ mškb̄ z 'm 'š j̄š 'j̄t h̄lt̄ mškb̄j 'm 'š j̄' msn̄ b̄mškb̄ z* 'Каждый человек, который откроет надо мной место успокоения это, или который уберет саркофаг — место успокоения моего, или который унесет меня из места успокоения этого'.

km 'как', например: *km šm šmš w̄jñh̄* 'как имя солнца и луны'.

Частицы

В дошедших до нас текстах засвидетельствованы следующие частицы:

'*j̄* фразовое отрицание, например: '*j̄ 'dlñ ksp* 'нет со мной себры';

bl лексическое отрицание, например: *bl 'n kl hmlkm* 'не покорил никто из царей'; *bl 't̄j* 'без времени моего';

ʾl запретительная частица, сопровождающая косвенное приказание, например: *ʾl ʾl tptḥ* 'не открывай, не открывай';

lm запретительная частица, сопровождающая пожелание, например: *lm iṣgrnm* 'пусть не предадут его';

hinne (у Плавта: *ine*) 'вот';

-nā (у Плавта: *na*) 'пожалуйста';

lū (у Плавта: *lu*) 'о, если бы'.

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ СИНТАКСИЧЕСКОГО СТРОЯ

Единственным вполне достоверным источником, позволяющим воссоздать синтаксический строй финикийского языка, являются надписи. Известный монолог Ганнона из комедии Плавта «Пуниец» не содержит сколько-нибудь надежных сведений, так как на синтаксисе этого отрывка, несомненно, отразился строй латинской поэтической речи. Поздние финикийские надписи также испытали заметное влияние арамейского и греческого языков, а также латинского.

СЛОВСОЧЕТАНИЯ

В финикийском языке встречаются следующие основные виды синтаксической связи слов в предложениях: согласование, управление и примыкание.

При согласовании зависимое слово ставилось в той же форме, что и подчиняющее слово, т. е. в том же роде и числе. Обычно согласованию в предложении подвергались определение с определяемым словом (*mšl n'm* 'счастливой судьбы', *rbt b'lt* 'великая владычица', *ḥmjt 'zt* 'стены мощные'), а также подлежащее и сказуемое (*p'lni b'l* 'сделал меня Ваал').

При управлении зависимое слово следовало за подчиняющим, приобретая в сочетании с соответствующим предлогом или без него значение прямого или косвенного объекта. Примером подобной синтаксической конструкции может служить следующая фраза: *wp'l 'nk lrbtj b'lt gbl ḥmzbḥ nḥšt zn* 'и соорудил я для великой моей владычицы Бабла жертвенник медный этот'.

Предложные конструкции использовались также для введения обстоятельств. Так, предлогом *b* вводились обстоятельства места (*b'n mšrm* 'в Оне Египетском'), времени (*bšt šptm* 'в год судей') и причины (*bšdkj wḥḥkmtj wbn'm lbj* 'из-за справедливости моей, и из-за мудрости моей, и из-за доброты сердца моего'). Предлогом *l* вводились обстоятельства цели, например: *lšm' ḥl* 'чтобы услышать голос'.

Частным случаем управления следует признать сопряженное

состояние, где зависимое слово обычно выполняло при подчиняющем функции определения, например: *hmz bh nhšt* 'жертвенник меди', т. е. 'медный жертвенник'. Наряду с этим путем постановки имен в сопряженное состояние выражались отношения принадлежности, например: *'dn mlkm* 'господин царей', в собственном смысле этого словосочетания «господин, который принадлежит царям».

При примыкании связь между подчиняющим и зависимым словом могла быть определена только по смыслу и грамматически не выражалась. Примером примыкания могут служить сочетания *hlt mškbj* 'саркофаг — место успокоения моего', *blt 'nk* 'только я', где зависимое слово является определением. Зависимое слово может в этом случае играть также роль обстоятельства, например: *išb dkj* 'лежащий здесь' (обстоятельство места). Как частный случай примыкания следует, очевидно, рассматривать сочетание «адвербиального» инфинитива с личной формой глагола того же корня, например: *pth tpth* 'открыванием откроешь', или *rgz trgz* 'беспокойством беспокоишь меня'. Такого рода сочетания использовались обычно для интенсификации значения данного корня. Таким образом, приведенные нами сочетания должны быть переведены следующим образом: «настежь откроешь», «очень сильно беспокоишь».

ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Предложения, встречающиеся в дошедших до нас памятниках финикийского языка, по своим функциям могут быть разделены на:

повествовательные, например: *'nk 'ztwd hbrk b'l 'bd b'l 'š 'dr 'wrk mlk dnnjm* 'Я — Азитавадд, благословленный Ваалом, раб Ваала, человек могучий, обильный потомством [?], царь дануниитов';

вопросительные, например: *mū puršā* (у Плавта: *mi phursa*) 'В чем смысл?';

восклицательные, например: *rbt hwt 'lt mlkt* 'Великая Хавват, богиня, царица';

повелительные, например: *'l 'l tpth 'ltj w'l trgz* 'Не открывай, не открывай надо мною и не беспокой меня';

и желательные, например: *tšm' kl' tbrk* 'Да услышит она голос его, да благословит она его'.

В зависимости от способа выражения сказуемого простые предложения могут быть разделены на:

именные, в которых сказуемое выражено именем, например: *'nk šm(...) bn 'bd'štrt 'šklmj* 'Я — Шем(...) сын Абдастарта аскалонит';

глагольные, в которых сказуемое выражено глаголом, например: *wkn bkl imti sb' wmn'm wšbt n'mt wnh't lb ldnnim* 'И было во все дни мои изобилие, и благоденствие, и до-вольство, и покой сердца у дануниитов'; ср. также *tb'rk* 'да благословит она его'.

Для именных предложений характерен твердый порядок слов: группа подлежащего — группа сказуемого. В этих предложениях в качестве связки сказуемого могли быть использованы обособленные местоимения 3-го лица, например: *'üt 'emā-nētt hū' kirs hāhēlūkōt* (у Плавта; *yth emanethi hu chirs ae-lychot*) 'Знак веры мой — это табличка гостеприимства'.

Глагольные предложения в большинстве случаев начинались с группы сказуемого, за которой следовала группа подлежащего, например, *wkr' 'nk 't rbtj b'lt gbl* 'Воззвал я к великой моей владычице Библа'. Однако в общем порядке слов в них был свободным: возможны были такие случаи, когда группа подлежащего предшествовала группе сказуемого, например: *blt 'nk škb b'rn z* 'Только я покоюсь в саркофаге этом'.

В осложненных предложениях имело место обособление логического подлежащего, которое вводилось в предложение в виде абсолютного оборота, например: *wh' imh sprh lpn tbl* 'И он, — изглажена будет надпись его перед лицом всего мира'. Аналогичное явление наблюдается и в определительных придаточных предложениях, вводимых союзом 'š или š 'который', например: *'š p'ltu hrbt b'lt gbl mmlkt 'l gbl* 'Который, — сделала меня великая владычица Библа царем над Библом'.

Сложносочиненные предложения обычно соединялись при помощи союза *w 'и*. Этот союз использовался не только в тех случаях, когда имела место соединительная связь (она, кстати, в дошедших до нас текстах для сложносочиненных предложений не засвидетельствована), но и в тех случаях, когда связь была противительной, например: *w'n 'nk 'rst 'zt bmb' šmš 'š bl 'n kl hmlkm 'š kn lpnj w'nk 'ztw'd 'ntnm* 'И покорил я страны могучие на западе, которых не покорил ни один из царей, которые были до меня, а я, Азитавадд, покорил их'.

В ряду сложноподчиненных предложений можно выделить несколько типов придаточных предложений.

Придаточные предложения вводились союзом 'š 'который', 'то, что', например: *lrbt ltn tpr b'l w'ldn lb'l-hmn 'š ndr* 'Великой Тиннит, украшению Ваала, и господу Ваалхаммону, то, что посвятил'.

Определительные придаточные предложения могли вводиться союзом *z*, например: *kr z bnj šptb'l mlk gbl bn 'lb'l mlk*

gbl 'Стена, которую построил Шафатваал, царь Библа, сын Эливаала, царя Библа'. Наряду с этим придаточные определительные предложения могли вводиться союзом 'š или š, например: *mlk gbl 'š p'ltn hrbt b'lt gbl mmlkt 'l gbl* 'Царь Библа, который, — сделала меня великая владычица Библа царем над Библом'.

Дополнительные придаточные предложения вводились союзом *k*. Примером такой конструкции может служить следующая формула: *bḫrḥ mp' bšt mlkḫ mlk bd'strt mlk šdnm kbz bd'strt mlk šdnm 'it šrn 'rṣ z l'li'strt* 'В месяц Мапа, в год царствования царя Бодастарта, царя сидонян, [случилось так], что застроил Бодастарт, царь сидонян, долину страны этой для божества его, для Астарты'.

Тем же союзом *k* вводились и придаточные предложения причины. Примером такого построения может служить формула: *w'l trgz n kt'bt 'štrt hdbz h'* 'И не беспокой меня, ибо оскорбление Астарты деяние это'. Очень часто придаточное предложение причины встречается в пунийских посвячительных формулах: *kšm' ḫl'* 'Ибо услышан голос его'.

Условные придаточные предложения вводились союзом 'm, например: *w'm pḫ tḫt 'ltḫ wrgz trgz n 'l ikn lk zr' bḫim tḫt šmš wmskb 't rp'm* 'И если открыванием откроешь надомной и беспокойством обеспокоишь меня, не будет тебе семени среди живых и места успокоения с обитателями загробного мира'.

Придаточные предложения следствия, как уже отмечалось, могли вводиться союзом *w*.

К ВОПРОСУ ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ

Большой интерес представляет вопрос об употреблении в финикийском языке глагольных форм. Как правило, совершенный вид использовался для выражения завершенного действия или состояния (соответственно, прошедшего времени), тогда как несовершенный вид служил для обозначения незавершенного действия или состояния (соответственно настоящего или будущего времени). Известны случаи, когда глаголы в несовершенном виде служили для выражения завершенного или многократно повторявшегося действия. Подобное явление имело место в том случае, когда глаголу, стоявшему в несовершенном виде, в потоке речи предшествовал глагол совершенного вида. Как правило, глаголы несовершенного вида, служившие для выражения завершенного или многократно повторявшегося действия, вводились консекутивным союзом *w* 'и', например: *sml 'z 'š itn wḫn' wḫdš* 'Статуя это, которую

дал, и соорудил, и обновил'. Ср. также *wjtn' 'nk bt 'dnī bn'm* 'И устраивал я дом господства моего в благополучии'.

Прошедшее время или многократно повторявшееся действие могли быть выражены причастием, например: *wp'l 'nk lrbtj b'lt gbl hmzbbh nḥšt* 'И соорудил я для великой моей владычицы Библа жертвенник медный', а также в надписи из Каратепе: *wp'l 'nk* 'И делал я', *wbn 'nk* 'И построил я' и в надписи Иехавилка: *km's kr't 't rbtj b'lt gbl wšm' kl wp'l lj n'm* 'Когда я взывал к великой моей владычице Библа, то бывал услышан голос и бывало сделано мне добро'. Употребление причастий в последнем случае, в том числе и пассивных *šm'* и *p'l*, находилось, вероятно, в прямой зависимости от использования союза *w*, выражавшего последовательность и взаимосвязанность действий, либо вводящего придаточные предложения следствия.

В поздних финикийских текстах долженствование могло быть выражено путем сочетания личной формы глагола *kn* 'быть' с инфинитивом значащего глагола, находящимся в предложной конструкции, например: у Плавта *chon liful = *kōn lip'ul* 'должен сделать'. В данной конструкции, однако, можно видеть влияние латинского синтаксиса, ср. лат. *est facere* 'должно сделать'.

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ФИНИКИЙСКОЙ ЛЕКСИКИ

Словарный состав финикийского языка, сохранный дошедшими до нас письменными памятниками, весьма невелик. Однако то, что известно, позволяет утверждать, что финикийский словарь в общем совпадал с древнееврейским. Отсутствие отдельных слов в Библии или иных письменных памятниках еврейского языка само по себе не может свидетельствовать об их неупотребительности в живой народной речи Палестины соответствующего времени, поскольку словарный состав этих памятников, безусловно, не исчерпывает всех богатств живой народной речи.

Известно, однако, что целый ряд слов, встречающихся в финикийских надписях, в Библии сравнительно редки, например: *p'l* 'делать', 'сооружать', *'dm* 'человек', *hls* 'спасать' в породе *pi'el*, *p'm* 'нога', *irh* 'месяц'. В Библии эти слова употреблялись, как правило, в поэтических или иных текстах высокого стиля. Подобное словоупотребление, вероятно, определяется влиянием на стиль литературных памятников эпиграфических текстов, также выдержанных в высоком стиле, либо влиянием не дошедших до нас памятников фини-

кийской литературы, которая в Палестине, несомненно, была известна.

Наличие в финикийском языке заимствований из египетского, аккадского, арамейского, греческого и иных языков представляется безусловным. Однако в настоящее время при скудости дошедшего до нас языкового материала указать заимствованные слова вряд ли возможно.

Гораздо яснее выделяются кальки с греческого языка. Например, вводная формула некоторых кипрских надписей *mšl n'm* воспроизводит соответствующую формулу синхронных с ними греческих надписей эллинистического времени: Ἀγαθῆ τύχη 'счастливой судьбы'.

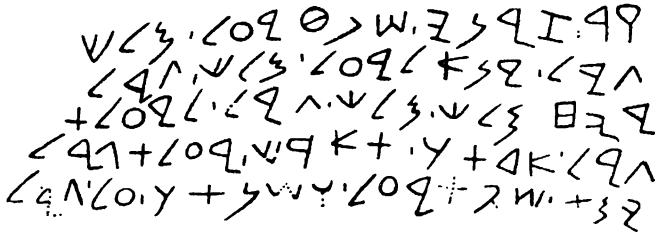
Широкое распространение финикийской, в том числе и карфагенской, торговли в странах Средиземноморья привело в свою очередь к заимствованию из финикийского языка в языки народов Средиземноморья отдельных слов, обозначавших, как правило, объекты финикийской торговли. Так, греческое χρυσός 'золото', несомненно, восходит к финикийскому *hrs* (ср. др.-евр. *ḥārūš*); χιτῶν 'хитон' (вид одежды) связано с финикийско-еврейским *kēṭōnāṭ*, лат. *vinum* и греч. οἶνος < φοῖνος 'вино', по-видимому, происходят от финикийско-еврейского **wa-jin* → *jajin*.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОБРАЗЦЫ ФИНИКИЙСКИХ ТЕКСТОВ

Неогласованные тексты

1. Надпись Шафатваала, царя Библа (XIII—XII вв.)

Транслитерация

kr z bnj šptb'l mlk
gbl bn 'lb'l mlk gbl
bn iḥmlk mlk gbl lb'lt
gbl 'dtw t'rk b'lt gbl
imt šptb'l wšntw 'i gbl

Перевод

Стена, которую построил Шафатваал, царь Библа, сын
Эливаала, царя Библа, сына Йехимилка, царя Библа, для

владычицы Библа, госпожи его. Да продлит владычица Библа дни Шафатваала и годы его над Библом.

2. Надпись Табнита, царя Сидона (конец IV в. до н. э.).

Транслитерация

'nk tbn̄t khn 'štr̄t mlk šdn̄m bn
'šmn'zr khn 'str̄t mlk šdn̄m škb b'r̄n
z mi 't kl 'dm 'š t̄pk 'it h'r̄m z 'l 'l i
pth 'lt̄i w'l tr̄gz̄n k'i 'dln̄ ksp 'l 'dln̄
hr̄š wk̄l mnm̄ mšd̄ blt 'nk škb b'r̄n z 'l 'l tpt
h 'lt̄i w'l tr̄gz̄n kt'bt 'štr̄t h̄dbr̄ h' w'm̄ pt
h̄ t̄pth̄ 'lt̄i wr̄gz̄ tr̄gz̄n 'l i[k]n̄ l[k] zr' b̄h̄im̄ t̄ht̄ šm̄
š̄ w̄m̄škb̄ 't rp'm̄

Перевод

Я, Табнит, жрец Астарты, царь сидонян, сын Эшмуназара, жреца Астарты, царя сидонян, покоюсь в саркофаге этом. Кто бы ты ни был, любой человек, который будет уносить саркофаг этот, не открывай, не открывай надо мной и не беспокой меня, ибо нет со мной серебра, нет со мной золота и чего бы то ни было из... Только я покоюсь в саркофаге этом. Не открывай, не открывай надо мной и не беспокой меня, ибо оскорбление Астарты деяние это. И если открыванием откроешь надо мной и беспокойством обеспокоишь меня, то пусть не будет тебе семени среди живых под солнцем и места успокоения вместе с обитателями загробного мира.

3. Почетный декрет общины сидонян в Пирее по поводу увенчания золотым венком Шемаваала, сына Магона (96 г. до н. э.)

Транслитерация

bjm 4 lmrzḥ bšt 15 l'm šdū tm bd šdnjm bn'spt l'tr
'it šm'b'l bn mgn 'š nš' hgw 'l bt 'lm w'l mbnt ḥsr bt 'lm
'trt ḥrṣ bdrkm/n/m 20 lmhṭ kbn 'lt ḥsr bt 'lm wp'l 'it kl
'š 'ltj mšrt 'it r't z lktb h'dmm 'š nš'm ln 'l bt
'lm 'lt mšbt ḥrṣ wṭn'l b'rpt bt 'ln 'n 'š lknt gw
'rb 'lt mšbt z iš'n bksp 'lm b'l šdn drkmm 20 lmhṭ
lkn id' ḥšdnjm k id' hgw lšlm ḥlpt 'it 'dmm 'š p'l
mšrt 't pn gw

Перевод

В день 4-й [месяца] Марзах, в год 15-й народа Сидона решила колония сидонян на собрании увенчать Шемаваала сына Магона, который — предстоятель корпорации [той, что] над домом богов и постройкой двора дома богов, венком золотым в 20 драхм полным весом [?], ибо построил он двор дома богов и выполнил всю, которая на нем, службу. Решение это записать тем людям, которые — предстоятели у нас над домом богов, на стеле золотой, и пусть они поставят ее в портике дома богов [на] глазах [каждого] человека, чтобы быть корпорации хранителем стелы этой. Пусть они возьмут из серебра богов, владык Сидона, драхм 20 полным весом [?], чтобы было известно сидонянам, что умеет корпорация награждать по заслугам людей, которые выполняют службу перед корпорацией.

4. Неопунийская строительная надпись из Бир-бу-Рекба (I в. до н. э.).

Транслитерация

l'dn lb'l wltnt pn b'l mḳdšm šnm 'š p'l b'l tnsmt bšt špṭm
ḥmlk wḥmlk bn 'nkn kn 'l mlkt hbn 'š bmḳdšm 'l
'pšn bn gdsn wb'lḥn' bñ mskr w'l mlkt ḥmṭḥ
prnkn bn mndkn wšd' bn 'nkn b' h'lnm 'l 'lt h
mḳdšm 'l b'sr wšb' lṛḥ mp' lpñl ḥšt z np'l nbl
nskt 'rb' 'lt hḥmḳdšm 'l spm šnm wzbrm šnm wntn
't hkḥnm 't 'rš bn 'nkn w't bd'štrt bn ipš

Перевод

Господу Ваалу и Тиннит, украшению Ваала, святилища два, которые соорудили граждане Тансимата в год судей Химилка и Химилка сына Анкана. Были над работами строительными, которые в святилищах этих, Афсан сын Гадсана и Ваалханно сын Маскара, а над работами украшения — Фарнакан сын Мандакана и Йашда сын Анкана. Вошли боги эти в святилища эти в семнадцатый день месяца Мапа перед годом этим. Были изготовлены сосуды для возлияний, четыре, для святилищ этих: чаши две и вазы [?] две. И переданы они жрецам — Аришу сыну Анкана и Бодастарту сыну Йапаша.

5. Неопунийская надгробная надпись из Гельмы (II—I вв. до н. э.)

Транслитерация

'bn z t'n' lš
blt bt m'll 'w
' š'nt 'š
rm w'mš '
št mšik'tn b[n]
bnrjl

Перевод

Камень, который сооружен для Шабалат, дочери Малала. Она жила лет двадцать пять. Жена Машикатона сы[на] Барнарила.

Огласованные тексты

1. Пунийская надпись из эль-Хофра (I в. до н. э.)

Греческое написание

ΛΑΔΟΥΝ ΛΥΒΑΛ ΑΜΟΥΝ ΟΥ
ΛΥΡΥΒΑΘΩΝ ΘΙΝΙΘ ΦΑΝΕ ΒΑΑ
ΥΣ ΝΑΔΩΡ ΣΩΣΙΠΑΤΙΟΣ ΒΥΝ
ΖΟΠΥΡΟΣ ΣΑΜΩ ΚΟΥΛΩ ΒΑ
Ρ ΑΧΩ

Транскрипция

la'dūn lūbāl 'amūn ō
lūrūbbatōn tinnit pānē bāl
'ūs nādōr sōsipatios būn
zopyros šamō' kūlō bā
rākō

Перевод

Господу Ваалхаммону и великой нашей Тиннит, украшению Ваала, то, что посвятил по обету Сосипатий сын Зопира; услышал голос его, благословил его.

Для сравнения приводим аналогичный неогласованный текст из Карфагена (дата неизвестна).

lrbt ltnt pn b'l w
l'dn lb'l hmn 'š nd
r 'zrb'l bn hn' bn 'z
rb'l bn b'l'ltn kšm'
kl' tbrk'

Перевод

Великой Тиннит, украшению Ваала, и господу Ваалхаммону то, что посвятил Азруваал сын Ханно сына Азруваала сына Ваалйатона, ибо услышала голос его, благословила его.

2. Монолог Магона из комедии Тита Макция Плавта «Пуниец» (II в. до н. э.)

Латинское написание

Yth alonim valonuth sicorathi simacom syth
Chy mlachun ythmum ysthyał mythib aru im ischi
Li pho caneth yth bynuthi iad aedyn byn ni
Bymarob syllohóm alonim ubymysyrthohóm
Byth lymmoth ynnocho thuulech Antidamas chon
Ys siddobrim thyfel yth chyl ys chon them liful
Yth binim ys dubirth ynnocho tnu Agorastocles
Yth emaneti hy chirs aelichot sitti nasot
Bynny id chilluch ily gubulim lasibuthim
Body all thera ynnynnu ysl ymmón cho thiusim

Транскрипция

'ūt 'ālōnim w'ālōnūt šikōrați šimākōm zūt
kū mēlakūn jūtmūm iūštū'al mūtīb 'ar'u 'im hiškī
lī pō kanēt 'ūt būnūti lihād 'ajedūn būn 'ūhī
būmā'arōb šūllōhōm 'ālōnim ūbūmūšūrthōhōm
bū'ūt 'ēlūmmōt hūnnōkō tūhūlēk 'antidamas kōn
'ūš šiddobrim tūp'el 'ūt kūl 'ūš kōn tēm lip'ul
'ūt binim iūš dūbirī hūnnōkō 'otnū 'agorastocles
'ūt 'ēmanēti hū' kīrs hahēlūkōt šī'ittī nāšōt

būnnū jid kī 'illūk 'ilū gūbūlim lāšibaṭim
bo'dū 'āli fēra' hūnnūnnū jūšl hūmmōn kō 'oṭ jūṣ'im

Перевод

Богов и богинь, которых призываю я, которые [суть] места этого, чтобы дело свое закончил я, прошу я для себя, благополучно. Смотрите, вот мое желание: о, если бы здесь обнаружил я несчастных наших — дочь мою вместе с сыном брата моего — благодаря покровительству их, богов, и попечением их. Во времена давние здесь гостеприимец Антидам был, человек, о котором говорят: ты сделал все, что должен добрый делать. Что касается сына его, есть, сказано мне, здесь, с нами Агорастокл. Знак веры моей — табличка гостеприимства, которую с собой ношу я. Они укажут рукой, что здесь эти пределы его жительство [т. е. они укажут, что именно здесь он живет. — *И. Ш.*]. Сейчас у двери о нем спрошу я их, здесь выходящих.

СЛОВАРЬ К ТЕКСТАМ

- 'bn неопун. 'bn 'камень'
'dm 'человек'
'dn ж. р. 'dt — 'господин', 'господь'
'dl 'вместе с'
'h 'брат'
ī 'нет'
'it, 't 1) показатель прямого дополнения, 2) в неопунийских текстах — показатель косвенного дополнения
'ī 'эти'
'l мн. ч. 'lm 'бог'
'lb'l имя собственное
'lk 'здесь'
'ln мн. ч.: м. р. 'lnm, ж. р. 'lnt — 'бог'
'm 'вот'
'm 'если'
'mnt 'вера'
'nk 'я'
'nkp ливийское имя собственное
'psp ливийское имя собственное
'r 'смотреть'
'rb' 'четыре'
'rk 'продлевать'
'rn 'саркофаг'

'rš пунийско-ливийское имя собственное
'š 'человек', 'мужчина'
'š 'который'
'šmn Эшмун, бог здоровья и врачевания
'šm 'двадцать'
'st 'женщина', 'жена'
't 'знак'
't 'с', 'среди'
't 'ты'

b 1) 'в', 2) показатель инструментальности

b' 'входить'

bd 'колония'

bd 'зависимый человек', букв. 'находящийся в руке'

bd'strt имя собственное

blt 'только'

bn 'сын'

bn 'указывать'

bnj 'строить' (поздние формы: bn, bnh, bn')

bn' 'строительство'

bnrl ливийское имя собственное

bnt 'дочь'

b'd 'сейчас'

b'l 1) 'хозяин', 2) 'гражданин', 3) бог, как «хозяин», «владыка», распорядитель чего-либо

b'lšmn Ваалхаммон, бог солнца

b'lšn имя собственное

b'lšn имя собственное

brk 'благословлять'

bt 'дом'

bt 'дочь' (из bnt)

gbl Библия, город в Финикии

gbl мн. ч. gblm — 'предел', 'граница'

gdsn ливийское имя собственное

gw 'корпорация', 'коллегия'

dbr 'говорить'

dbr 1) 'слово', 2) 'деяние'

drkmn мн. ч. drkmnm — 'драхма'

h' 1) 'он', 2) 'этот'

h' 1) 'она', 2) 'эта'

hlkt 'гостеприимство'

hnk 'здесь'

w 'и', 'но'

z 1) 'который', 2) 'этот'

z't 'эта'

zbr мн. ч. zbrm — 'ваза' (?)

zr' 'семья', 'потомство'

hwh 'жить'

h| 'жить'

h| мн. ч. h|m — 'живой'

h|pt 'заслуга'

hmk имя собственное

hmš неопун. 'ms — 'пять'

hn' имя собственное

hşř 'двор'

hřş 'золото'

hşk 'желание'

tn' неопун. ř'p — 'ставить'

id 'рука'

id' 'знать', 'уметь'

i|d 'вместе'

i|mk имя собственное

im мн. ч. imt — 'день'

ipř ливийское имя собственное

iř' 'выходить'

iřh 'месяц'

iř' 'есть'

iřd' ливийское имя собственное

itn см. n|n

k, k| 'что', 'чтобы'

khn 'жрец'

kl 1) 'весь', 'все', 2) 'каждый', 3) 'какой-либо'

kp 'быть'

ksp 1) 'серебро', 2) 'деньги'

krs 'табличка'

křb 'писать'

l показатель направления действия

l 'о', 'если бы'

lрn| 'перед'

mbnt 'строительство'

mgn имя собственное

mḥt 'полный вес' (?)
mḥb 'благополучно'
mḥh 'украшение', 'орнаментировка'
mḥ 'кто'
mḥm 'место'
mḥk 'царь'
mḥkt 'работа', 'дело'
mḥnm 'что-либо'
mḥndkn ливийское имя собственное
mḥskr ливийское имя собственное
mḥll ливийское имя собственное
mḥ'gb 'защита', 'покровительство'
mḥp' название месяца
mḥḥbt 1) 'стела', 2) 'колонна'
mḥqdš мн. ч. mḥqdšm — 'святилище'
mḥrzḥ название месяца
mḥsd значение слова не установлено
mḥšjk'tn ливийское имя собственное
mḥškb 'место успокоения'
mḥšrt 'служба', 'попечение'

p'spt 'собрание'
pbl 'сосуд'
pdr 'посвятить по обету'
pdr 'посвящение по обету'
p'm 'хороший'
p'skt 'возлияние'
p'rk 'уносить'
p's' 'носить'
p's' мн. ч. p's'm — 'предстоятель',
p'tn 'давать' (параллельно: itn)

sp мн. ч. spm — 'чаша'

'zr 'помогать'
'zrb'l имя собственное
ḥr 'увенчать'
'ḥrt 'венок'
'l 'над'
'lmt 'давняя'
'lt 'на', 'в'
'm 'народ'
'n 'глаз'
'šr 'десять'
'rb 'хранитель'

'rpt 'портик'
'štrt Астарта, богиня любви
't 'время'

p 'здесь'
*rpn, сопряж. сост. рпј — 'украшение'
p'l 'делать', 'сооружать'
pš 'представить'
pnpn имя собственное
pth 'открывать'

šdn Сидон, финикийский город
šdn] мн. ч. šdn]m — 'сидонянин'

kl 'голос'
kn 'найти'
kr 'стена'
kr' 'кричать', 'звать'

rb ж. р. rbt — 'великий'
rgz 'беспокоить'
rpk't ливийское имя собственное
r't 'решение'
rp' мн. ч. rp'm — 'обитатель загробного мира'

š 'который'
š'l 'просить'
š' n 'брат'
šb' 'семь'
šblt ливийское имя собственное
šbt 'поселение', 'жительство'
škb 'покоиться'
šlm 'вознаграждать'
šm' 'слышать'
m' >'i члн собственное
šmš 'солнце'
šnm 'два'
šp] мн. ч. šp]m — 'судья'
p]b'l имя собственное
š't мн. ч. šnt, неопун. š'nt — 'год'

tbnt имя собственное
thlk 'гостеприимец'
tht 'под'
tm 'хороший'
tm 1) 'окончить', 'завершить' 2) 'решить', 'по становить'

tnsmt ливийская община
tat Тиннит, карфагенская богиня
t'bt 'оскорбление', 'грех'
tr' 'дверь'

БИБЛИОГРАФИЯ

I. Издания текстов

- Berthier A., Charlier R., *Le sanctuaire punique d'El-Hofra*, Paris, 1955.
Cooke G. A., *A text-book of North-Semitic inscriptions*, Oxford, 1933.
Corpus Inscriptionum Semiticarum, pt. I, vol. I—III, Paris, 1881—1947.
Dunand M., *Byblia grammata*, Beyrouth, 1945.
Lidzbarski M., *Handbuch der nordsemitischen Epigraphik*, I—II, Weimar, 1898.
Lidzbarski M., *Altsemitische Texte*, Gießen, 1907.
Obermann, *Discoveries at Karatepe*, Baltimore, 1948.
Répertoire d'épigraphie sémitique, I sq., Paris, 1903 sq.

II. Исследования

- Винников И. Н., *Новые финикийские надписи из Киликии*,—«Вестник древней истории», 1950, № 3.
Винников И. Н., *Вновь найденные финикийские надписи*,—«Эпиграфика Востока», V, [1951].
Винников И. Н., *Надпись Ахирама Библского в новом освещении*,—«Вестник древней истории», 1952, № 4.
Albright W. F., *The Phoenician inscriptions of the Tenth Century B. C. from Byblus*,—«Journal of the American Oriental Society», 67, [1947], № 3.
Cross E. M., Freedman D. N., *The Pronominal Suffixes of the Third Person Singular in Phoenician*,—«Journal of Near Eastern Studies», 10, [1951], № 1.
Dupont-Sommer A., *Azitawadda, roi des Danouniens*,—«Revue archéologique», XLII, [1948], № 3—4.
Friedrich J., *Der Schwund kurzer Endvokale im Nordwestsemitischen*,—«Zeitschrift für Semitistik», I, [1922].
Friedrich J., *Phinizisch-Punische Grammatik*, Roma, 1951.
Friedrich J., *Punische Studien*,—«Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», 1957, № 2.
Garbini G., *Il semitico di Nord-Ovest*, Napoli, 1960.
Gevirtz S., *On the etymology of the Phoenician particle 'š*,—«Journal of Near Eastern Studies», 16, [1957], № 2.
Gray L. H., *The Punic Passages in the «Poenulus» of Plautus*,—«American Journal of the Semitic Languages and Literatures», XXX, [1923].
Gordon C. H., *Azitawadda's Phoenician inscription*,—«Journal of Near Eastern Studies», 8, [1949], № 2.
Harris Z. S., *A grammar of the Phoenician language*, Philadelphia, 1936.
Harris Z. S., *Development of the Canaanite dialects*, New Haven, 1939.
Honeyman A. M., *Canaanite pronominal suffixes at Byblos and Elsewhere*,—«Journal of the Royal Asiatic Society», 1941.
Honeyman A. M., *Phoenician Inscriptions from Karatepe*,—«Le Muséon», LXI, [1948], № 1—2.

- Landsberger B., *Sam'al*, Ankara, 1948.
 Lidzbarski M., *Ephemeris für semitische Epigraphik*, I ff., Gießen, 1902 ff.
 Mentz A., *Beiträge zur Deutung der Phönizischen Inschriften*, Leipzig, 1944.
 Moran W. L., *Early Canaanite yaqtula*,—«*Orientalia*», 29, [1960], № 1.
 Rosen H. B., *Zur Vorgeschichte des Relativsatzes im Nordwestsemitischen*,—«*Archiv orientaly*», 27, [1959].
 Rosenberg J., *Phönizische Sprachlehre und Epigraphik*, Wien—Leipzig, [s. a.].
 Schröder P., *Die phönizische Sprache*, Halle, 1869.
 Solá-Sole J.-M., *Sur les parties du discours en phéniciens*,—«*Bibliotheca Orientalia*», XIV, [1957], № 2.

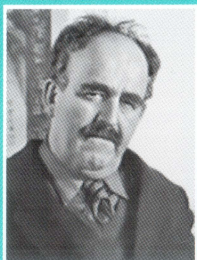
III. С л о в а р и

- Jean Ch. F., *Dictionnaire des inscriptions sémitiques de l'Ouest*, I—II, Leiden, 1954.
 Levy M. A., *Phönizisches Wörterbuch*, Breslau, 1864.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
Финикийская письменность и литература	13
Фонетика	22
Согласные	22
Гласные	28
Дифтонги	29
Слогообразование	29
Морфология	30
Словообразование	30
Части речи	32
Имя	32
Местоимения	36
Артикль	39
Имя числительное	40
Глагол	40
Наречия	47
Предлоги	47
Союзы	48
Частицы	49
К характеристике синтаксического строя	50
Словосочетания	50
Предложения	51
К вопросу об употреблении глагольных форм	53
К характеристике финикийской лексики	54
Приложение	56
Образцы финикийских текстов	56
Словарь к текстам	61
Библиография	66

Об авторе

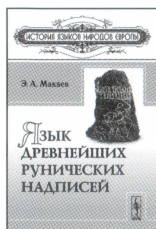
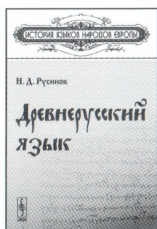
Илья Шолеймович ШИФМАН

(1930–1990)

Известный советский антиковед и востоковед, доктор исторических наук. Родился в Ленинграде. В 1953 г. закончил с отличием исторический факультет Ленинградского государственного университета. В 1959–1960 гг. был аспирантом по кафедре истории Древней Греции и Рима исторического факультета ЛГУ. С 1961 г. до конца жизни работал в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР; одновременно преподавал на историческом факультете ЛГУ. В 1962 г. в Институте археологии защитил кандидатскую диссертацию о финикийской колонизации Западного Средиземноморья. С 1967 г. — старший научный сотрудник Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. В 1972 г. успешно защитил докторскую диссертацию о социальных и экономических отношениях в Сирии в I–III вв. Около 30 лет был бессменным руководителем лектория при Ленинградском отделении Института востоковедения.

И. Ш. Шифман — автор многих книг и статей по вопросам востоковедения и антиковедения. Широкую известность получили его добротные научно-популярные книги «Александр Македонский» (1988) и «Цезарь Август» (1990), а также блистательно написанная биография великого карфагенского полководца Ганнибала, выпущенная под псевдонимом Кораблев (1976). Его перу принадлежат труды по истории и культуре Карфагена, Финикии, Сирии, Пальмиры, Nabateyского царства, древнего города Угарита, работы по библейской проблематике, переводы памятников древневосточной литературы.

Представляем другие книги нашего издательства:

8319 ID 109697

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Тел./факс: 7 (499) 135-42-16

Тел./факс: 7 (499) 135-42-46

URSS

E-mail:
URSS@URSS.ru

Каталог изданий
в Интернете:

<http://URSS.ru>

Любые отзывы о настоящем издании, а также обнаруженные опечатки присылайте по адресу URSS@URSS.ru. Ваши замечания и предложения будут учтены и отражены на web-странице этой книги в нашем интернет-магазине <http://URSS.ru>